

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ОБРАЗОВАНИЯ
Министерства образования и науки Республики Армения
Армянская Ассоциация “Педагогическая инициатива”
Академия педагогических и социальных наук

ISSN 1829-4162

Русский язык В Армении

2015

9 (94)

Ռուսաց լեզուն
Հայաստանում

Ереван - 2015

Главный редактор – Б.М. Есаджанян
Ответственный секретарь – А.М. Амирханян

Ответственный за номер – А.В. Акопян

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:	РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Председатель общества „Армения-Россия“, д.ф.н., профессор, М.Д. Амирханян	А.В. Акопян (ЕГУ)
Вице-президент АПСН С.К. Бондырева	Л.Г. Баласанян (АГПУ им.Х.Абовяна)
Председатель Ассоциации “Педагогическая инициатива” В.С. Казарян	Г.Г. Барикян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова)
Ректор АГПУ им.Х.Абовяна, д. ист. н, профессор Р.К. Мирзаханян	И.Б.Геворкян (ср. шк. N 131),
Академик АПСН, зам.министра МОН РА М.А. Мкртчян	А.Б. Кузьминская (ЕГЛУ им. В.Я. Брюсова),
	В.В. Мадоян (ЕУМО им. А.Ширакаци),
	Г.В. Маркосян (ЕГЛУ им. В.Я.Брюсова),
	С.Б. Самуэлян (ЕГЛУ им. В. Я. Брюсова),
	Р.В. Татевосян (АГПУ им.Х.Абовяна)
	А.Я. Хачикян (РАУ).

Компьютерный набор, корректура, оформление и печать
А.А. Мирзатунян

Հիմնադիր և հրատարակիչ՝ Կրթության ազգային ինստիտուտ
Հասցե՝ ք. Երևան, Տիգրան Մեծի 67:
Վկայական՝ № 01Ա 044424, տրված 16.02. 1999 թ.:
Տպարանակը՝ 2000: Ծավալը՝ 4 տպ. մամուլ:
Հանձնված է տպագրության՝ 24. 06. 2015թ.
ՎԱՃԱՌԻ ԵՆԹԱԿԱ ՉԷ:

Издатель
ЗОО „Национальный институт образования” РА.
Адрес: Ереван, Тигран Меци, 67. Тел: 010 571531, 571116.
[www/http: aniedu.am](http://www.aniedu.am)
E-mail: info@aniedu.am
Свидетельство № 01 А 044424 выдано 16.02.1999 г.
Ответственный за издание журнала
Белла Есаджанян

Формат 70X100 1/16. Объем 64 стр. Тираж 2000
Сдано в печать 24.06.2015 г.
Общеобразовательным школам предоставляется бесплатно.

Խմբագրության ներկայացված նյութերը գրախոսվում են: Արտատպության դեպքում հղումն ամսագրին պարտադիր է:
Դպրոցներին անվճար տրվում է մեկ օրինակ, որը պետք է պարտադիր գրանցվի դպրոցա-
կան գրադարաններում:

Лицензия № 904

Журнал «Русский язык в Армении» включён в Перечень принятых ВАК РА рецензируемых научных журналов, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

МЕТОДИКА

САМОАНАЛИЗ, САМООЦЕНКА, ВЗАИМОАНАЛИЗ, ВЗАИМООЦЕНКА – ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ МОТИВАЦИИ К РАЗВИТИЮ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ РЕЧИ СТУДЕНТОВ-СЛОВЕСНИКОВ

С.В. АДАМОВА
АГПУ им. Х. Абовяна

Речевая деятельность, культура речи и общения в жизни современного человека занимают весьма важное место, и сегодня образование делает на этот аспект большой упор, поскольку без них немислимы ни овладение профессиональными знаниями, ни общекультурное развитие. Правильность речевой деятельности определяется умением грамотно пользоваться коммуникативной функцией языка, точно, ясно и выразительно излагать свои мысли.

Культура речи – это организация таких языковых средств, которые наилучшим образом выражают содержание высказывания, последовательно и логично раскрывают его основную мысль. Культурой речи важно владеть всем тем, кто работает в социальной сфере, а особенно культура речи необходима действующим и будущим учителям русского языка и литературы. Одним из важнейших показателей уровня культуры человека, его мышления является речь, которая должна постоянно обогащаться и совершенствоваться. В частности, студенты-словесники должны овладевать богатствами русского языка, усваивать его нормы, правила, основные требования, к которым относятся содержательность и информационная насыщенность, точность, ясность, логичность, а также владение просодическими средствами общения.

К сожалению, в настоящее время компьютерные технологии, интернет оттеснили чтение книг учащимися, поэтому скуден, беден их словарный запас, речь пассивна, односложна, зачастую проявляется непонимание значения слов, в речи отсутствуют слова и выражения, придающие ей выразительность, эмоциональность. Именно поэтому развитие культуры речи обучаемых, и не только студентов-словесников, но и тех, кто изучает русский язык как иностранный, является важнейшим аспектом методики обучения русскому языку.

Основным компонентом регуляции речевой деятельности учащихся в процессе развития русской устной речи, культуры речи является мотивация.

Мотивация порождает речевую интенцию (намерение) – направленность сознания, воли, чувства на какой-либо предмет (в нашем случае – на предмет речевой деятельности). Как отмечает А.А. Леонтьев, «...исходным для всякого высказывания является мотив, т.е. потребность выразить, передать определенную информацию» [3: 41]. Именно на этом этапе мотивации происходит выделение темы и ремы будущего высказывания и их дифференциация, т.е. определяется, во-первых, о чем надо сказать (это предмет высказывания, т.е. тема) и, во-вторых, что именно надо сказать об этом предмете (ситуации, факте, явлении окружающей действительности, т.е. это уже рема высказывания) [3]. Воспитанию мотивации обучения способствуют самоанализ, самооценка, взаимоанализ, взаимооценка, т.е. учащиеся привлекаются к оценочной деятельности, у них формируется адекватная самооценка. Мотивация, где присутствует высокий уровень самоанализа, самооценки, взаимоанализа и оценки, несомненно, будет положительно влиять на развитие устной русской речи учащихся, повышать их культуру владения речью, культуру общения.

Проблема возникновения и развития самоанализа и самооценки, взаимоанализа и взаимооценки является одной из центральных проблем становления личности учащегося, когда путем самонаблюдения, самоотчета, путем сравнения обучаемый оценивает себя (или сокурсников), свои возможности, свои речевые качества, а также достигнутые успехи в процессе обучения.

Одна из основных задач педагогического образования – подготовить студентов к самостоятельному совершенствованию – делает особо значимой проблему формирования активной позиции обучаемых в развитии культуры русской речи. А это требует сформированности представления о своей личности и речевой деятельности, т.е. требует умения честно, справедливо проанализировать и оценить свое речевое поведение, а также проанализировать и оценить речетворчество своих сокурсников. Источники формирования самооценки различны: это и расширение знаний студентов о своих речевых возможностях; и удовлетворение или неудовлетворение своей речевой деятельностью; и оценка окружающими сокурсниками умения правильно, точно, ясно и логично выражать, излагать свои мысли. Главной целью гуманитарного образования является развитие личности обучаемых путем включения их в различные виды речевой деятельности. Для развития и активизации речетворчества учащихся, для преодоления чувства «боязни» говорить необходимо проводить занятия-беседы, а именно: привлечь внимание студентов к субъекту общения; пробудить заинтересованность, связанную с предлагаемой информацией; детально обосновать (аргументировать) проблему. Учащиеся должны знать, что необходимо внимательно выслушивать собеседника, уважать его, быть дружелюбным, тактичным.

Беседа – жанр речевого общения (диалог, полилог), в котором учащиеся обмениваются мнениями по каким-либо вопросам, или, например, проис-

ходит обмен сведениями о личностных интересах каждого из участников общения (для установления типа отношений). Во время проведения споров учащиеся также совершают обмен мнениями с целью принятия решения или выяснения истины. Высказываются различные точки зрения в диалоге или полилоге, причем все высказывания должны происходить в этикетных формах обращения.

Организация занятий-споров, дискуссий также активизирует речевое поведение обучаемых. Известно, что спор – это вид диалога, при котором «...собеседники имеют противоположные суждения и приводят аргументы в поддержку своих позиций» [1: 46]. Дискуссия же может проводиться как «круглый стол», где все участники равноправны [1]. В начале организации дискуссии (или спора) ведущий, а им может быть или преподаватель, или кто-то из более подготовленных студентов, должен четко сформулировать основную мысль, потому что до тех пор пока обучаемые не поймут, о чем пойдет речь, их внимание будет рассеянным, т.е. следует четко определить тему проведения дискуссии (или спора), ее цель. Необходимо тщательно подготавливаться к таким занятиям, так как каждый должен вступать в акт общения и поддерживать его; должен внимательно слушать собеседника, выражать свое мнение и уметь аргументировать его; должен выбирать соответствующие коммуникативной ситуации вежливые формы общения, используя нормы речевого этикета; должен уметь грамотно пользоваться просодическими средствами общения, т.е. правильно интонировать фразы; изменять ритм, темп речи, силу голоса; использовать логическое ударение; проявлять соответствующие эмоции и т.д. Именно поэтому на начальном этапе организации занятий вышеуказанного типа нельзя рассчитывать на удачную импровизацию, поскольку у первокурсников активный словарный запас еще недостаточно богат, а также отсутствует опыт владения культурой устной русской речи. Импровизации возможны на старших курсах. Так в процессе обучения у студентов формируется установка на оценку не только своих речевых возможностей, но и речевых умений и навыков сокурсников.

Таким образом, основными средствами развития речи, ее культуры являются самонаблюдение, самоанализ, сравнение, т.е. на этой основе личность оценивает себя, свои возможности, свои речевые качества, достигнутые успехи, свой рост в процессе обучения. Ну и конечно же, вполне естественно, что самооценка зависит от характера человека, от его требовательности критично относиться к себе. В процессе обучения самооценка и взаимооценка начинают играть решающую роль, поскольку знания о себе обучаемые приобретают в контактах с сокурсниками, что играет немаловажную роль для личности. Студенты начинают лучше заниматься, становятся требовательнее к себе, чтобы от урока к уроку постепенно повышать как свою самооценку, так и взаимооценку.

Критерии самооценки, самоанализа, взаимооценки, взаимоанализа неоднозначны. Обучаемые оценивают себя двумя путями: путем сопоставления уровня своих знаний с объективными результатами своей речевой деятель-

ности, а также путем сравнения своей речевой деятельности с речью своих сокурсников. Чем выше уровень владения речью, тем выше и самооценка, взаимооценка. Речевые «неудачи», как правило, снижают притязания на высокую взаимооценку.

Вполне естественно, что самооценка и взаимооценка сопровождаются на занятиях эмоциями, сила и напряженность которых зависит от значимости для личности оцениваемого содержания. И в данном случае велика роль педагога, который должен методически правильно направлять этот процесс обучения, руководить им.

Самоанализ, самооценка, взаимоанализ, взаимооценка способствуют развитию у учащихся-словесников способов выражения мысли в разных видах речевой деятельности. Кроме того, поскольку обучаемые запоминают выступления сокурсников, а потом анализируют высказанные ими мысли, то это также способствует гармоничному развитию и памяти, и мышления, и воображения; развивает умение переключаться с одной темы на другую, умение ориентироваться в различных ситуациях общения; формирует самоконтроль, способность оценивать свои возможности и следить за самопродвижением в овладении умениями и навыками русской устной речи.

Система обучения русскому языку студентов-словесников должна обеспечить, с одной стороны, достаточно высокий уровень знаний по изучаемому языку, а с другой стороны, научить учащихся умелому общению в различных сферах жизнедеятельности. Каждый преподаватель должен знать и помнить, что чем больше практических (разговорных) занятий будет включено в процесс обучения русскому языку, тем прочнее будет его усвоение, тем богаче станет внутренний мир учащихся.

Так интерактивные приемы обучения русскому языку, культуре русской устной речи, т.е. участие студентов в беседах, дискуссиях, спорах, способствуют формированию их духовно-нравственной, коммуникативной, культурной личности, имеющей свои взгляды и суждения на окружающий мир; способствуют формированию личности, готовой вступать во взаимодействие с людьми, имеющими иные взгляды; позволяют студентам контролировать свою речевую деятельность; формируют и повышают чувство требовательности к своему речевому поведению.

Самоанализ, самооценка, взаимоанализ, взаимооценка фиксируют итоги учебной деятельности студентов, в нашем случае, итоги обучения культуре русской устной речи.

Так достигается главная цель обучения русскому языку – свободное и грамотное речетворчество в различных ситуациях общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адамова С.В. Риторика и культура русской речи. – Ереван, 2009.
2. Граудина Л.К., Ширяев Е.Н. Культура русской речи. – М., 2003.
3. Леонтьев А.А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. – М. 1969.

ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРОФЕССИОНАЛИЗАЦИИ, ИНТЕЛЛЕКТУАЛИЗАЦИИ И ИНТЕНСИФИКАЦИИ ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

А.А. ИКИЛИКЯН
РАУ

В настоящее время в связи с большими переменами, происходящими в нашем обществе, проблема содержания занятий по русскому языку в вузе приобретает особую актуальность. Актуальность проблемы продиктовала необходимость разработать специальную методику обучения русскому языку с профессиональной направленностью для факультетов международных отношений и политологии. Одним из возможных подходов к решению поставленной задачи является использование на уроках русского языка на вышеназванных факультетах материалов средств массовой информации.

На современном этапе методисты нашей республики все чаще обращаются к вопросам *профессионализации обучения русскому языку*. Эта проблема тесно переплетается с задачами интеллектуализации и интенсификации учебного процесса, что на сегодняшний день представляется весьма актуальным.

Обучение русскому языку с профессиональной направленностью осуществляется практически во всех государственных вузах Республики Армения. Как отмечает Б.М. Есаджян, “учебный процесс в вузе должен быть процессом формирования творческой личности в избранном направлении. А сформировать творческую личность можно только путем вовлечения студента в целенаправленную деятельность” [1, с. 3].

Говоря об интеллектуализации учебного процесса, мы прежде всего имеем в виду *содержание обучения*, базирующееся на интеллектуальных потребностях учащихся, поскольку “развитие всегда стимулируется обучением” [2, с. 1].

В настоящее время в связи с большими переменами, происходящими в нашем обществе, проблема содержания занятий по русскому языку в вузе приобретает особую актуальность. Многие учебники и учебные пособия, изданные даже в конце 90-х годов прошлого столетия, оказались устаревшими, неинтересными; как справедливо отмечает А.И. Власенков, “усвоение языка неразрывно связано с постижением определенных сторон окружающей действительности, и осмыслить грамматическую форму можно лишь в том случае, если при этом учат понимать связи и отношения, существующие между явлениями в реальной действительности, а объектом осмысления при изучении синтаксиса должны стать не столько структурные схемы предложений, сколько структура их смысла” [3, с. 2].

Интересное содержание обучения дает возможность создать на уроке соответствующую эмоциональную обстановку, а одновременное задействование мыслительных и эмоциональных каналов при восприятии материала является очень важным условием не только для более прочного и сознательного усвоения знаний, но и для формирования убеждений, обеспечения единства воспитания и обучения. Более того, известно, что график зависимости эффективности усвоения нового материала от степени интеллектуальной активности учащихся в процессе обучения показывает, что с ростом последней повышается количество воспроизводимых элементов от 70 до 90 [4, с. 5].

Интеллектуализация процесса обучения подразумевает развитие личности в целом, основанное на познавательном интересе, который выступает в качестве очень значительного мотива – внутреннего побуждения деятельности учащихся, и в этой роли его невозможно переоценить.

Актуальность проблемы продиктовала необходимость разработать специальную методику обучения русскому языку с профессиональной направленностью для факультетов международных отношений и политологии; при этом увеличиваются возможности *интеллектуализации учебного процесса*, а именно: использование русского языка для повышения общей культуры учащихся, расширение их кругозора, увеличение знаний о мире, истории развития человечества, актуальных проблем современности, а также приобретение *лингвокультурологической компетенции* – все это представляется совершенно необходимым для будущих специалистов в области международных отношений и политических наук.

Одним из возможных оптимальных подходов к решению поставленной задачи является использование на уроках русского языка на выше-названных факультетах материалов средств массовой информации (СМИ) и, в первую очередь, газетно-публицистических текстов.

Целесообразность широкого и систематического использования материалов СМИ заключается в том, что последние в достаточной степени удовлетворяют требованиям интеллектуализации процесса обучения русскому языку в вузе: динамично отражают реальную действительность, актуальные проблемы современности; периодически пытаются анализировать проблемы, волнующие широкие массы, а также делать ее ретроспективный обзор, дать прогнозы на будущее; вызывают активный познавательный интерес учащихся, так как “информация общественно-политического содержания волнует абсолютное большинство студентов” [90, с. 4], способствует развитию мышления учащихся, а также делает их политически грамотными, умеющими грамотно ориентироваться в потоке информации, что специалистам в данной области просто необходимо. Таким образом, на уроках создается не только коммуникативная, но и познавательная мотивация. Более того, именно средства массовой коммуникации дают широкие возможности наиболее эффективно *интенсифицировать* процесс

обучения, продуктивно используя методические возможности телевидения и радио.

Включение в процесс обучения русскому языку на факультетах политологии и международных отношений материалов СМИ дает возможность достичь того, что практические занятия, направленные главным образом на развитие русской речи, одновременно приводят к расширению кругозора учащихся, следовательно, и к интеллектуальному развитию личности в целом, позволяют в определенной мере решать вопросы политической грамотности, воспитывать у будущих специалистов активную жизненную позицию, что представляется совершенно необходимым и весьма актуальным в условиях современной действительности.

Обучение русскому языку, основанное на изучении языка средств массовой информации, позволяет также эффективно решить проблему формирования *лингвокультурологической компетенции студентов* факультетов политологии и международных отношений, так как газетно-публицистический стиль является одной из самых “влиятельных” разновидностей современного русского языка и является также самым живо реагирующим (после разговорного стиля) на процессы, происходящие в обществе во всем их многообразии, а следовательно, и более динамичным по сравнению с языком художественной литературы. В этой связи газетно-публицистический стиль представляет особый интерес для исследователей в самых различных аспектах изучения современного русского языка.

В газетно-публицистическом стиле формируются новые слова, словосочетания, крылатые выражения, языковые штампы, новые значения и оттенки уже существующих слов и словосочетаний, как свободных, так и устойчивых. Язык газеты располагает богатейшим фондом *лексических и фразеологических* средств, давая большую возможность для лингвистических наблюдений. Все эти особенности можно эффективно использовать в учебном процессе.

Исходя из всего вышесказанного, становится очевидной необходимость научно обоснованного изучения языка средств массовой информации в аспекте его использования на занятиях по русскому языку на вышеназванных факультетах.

Взять за основу материалы периодической печати, телевидения и радио для профессионально направленного обучения русскому языку мы решили также, исходя из того, что специалистам-международникам и политологам совершенно необходимо уметь грамотно ориентироваться во все возрастающем потоке политико-публицистической информации, значительная часть которой на сегодняшний момент в нашей республике реализуется на русском языке.

Профессионально ориентированное обучение позволит студентам в их дальнейшей практической деятельности адекватно выделять из потока информации необходимые им сведения, работать с ними, делать правильные выводы и заключения, а также принимать верные решения.

Высшая профессиональная школа – это тот социальный институт, чья цель – профессиональное образование человека. Взаимодействие различных элементов образовательной системы или ее подсистем направлено на достижение общей для системы цели, общего положительного результата. Эта цель – профессиональное обучение, воспитание и развитие личности. Перечисленные составные являются собой неразрывное целое, их единство обеспечивает эффективность всего учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Есаджанян Б.М.* Научные основы методической подготовки преподавателей русского языка как неродного. М.: Русский язык, 1984. – 224 с.
2. *Власенков А.И.* Общие вопросы методики русского языка в средней школе – М.: Просвещение, 1973 – 382 с.
3. *Власенков А.И.* Общие вопросы методики русского языка в средней школе. М.: Просвещение, 1983 – 230 с.
4. *Матюшкин А.М.* Психологические проблемы программированного обучения // Вопросы психологии. – 1971 № 3 – С. 68-84.

POSSIBLE WAYS OF PROFESSIONALIZATION, INTELLECTUALIZATION AND INTENSIFICATION OF PROCESS OF TEACHING RUSSIAN LANGUAGE IN HIGH SCHOOL

A.A. IKILIKYAN
RAU

At present, due to the great changes taking place in our society, the problem of content of lessons of Russian language in high school is relevance. The relevance of the problem dictated to develop a special method of learning the Russian language with professional orientation for the departments of International Relations and Political Science. Possible approach to solve this problem is to use the lessons of the Russian language materials of mass media communication.

**ԲՈՒՀՈՒՄ ՌՈՒՄԱՅ ԼԵԶՎԻ ԴԱՍԱՎԱՆԴՄԱՆ ԳՈՐԾԸՆԹԱՅԻ ՄԱՍՆԱԳԻՏԱՅՄԱՆ,
ԻՆՏԵԼԵԿՏՈՒԱԼԱՅՄԱՆ և ԻՆՏԵՆՍԻՖԻԿԱՅՄԱՆ ՀՆԱՐԱՎՈՐ ՈՒՂԻՆԵՐ
Ա.Ա.ԻԿԻԼԻԿՅԱՆ
ՌՀՀ**

Ներկայումս, շնորհիվ մեծ փոփոխությունների, տեղի ունեցած մեր հասարակության մեջ, ռուսաց լեզվի դասավանդման բովանդակության խնդիրը բարձրագույն դպրոցում հատուկ կարևորության է ստանում: Խնդրի կարևորությունը թելադրում է անհրաժեշտություն միջազգային հարաբերությունների եւ քաղաքագիտության ֆակուլտետների համար մշակել ռուսաց լեզվի մասնագիտորեն կողմնորոշված դասավանդման հատուկ մեթոդներ: Որպես հնարավոր մոտեցում մենք առաջարկում ենք դասերը ռուսաց լեզվի դասերին օգտագործել լրատվամիջոցների նյութերը:

ЛИНГВИСТИКА

СЕРЬЁЗНЫЕ ОТВЕТЫ НА НЕСЕРЬЁЗНЫЕ ВОПРОСЫ

А.М. АБДРАХМАНОВА,

Л.В. КУЗНЕЦОВА

Астраханский государственный университет

При изучении курса «Креативная грамматика» возникает ряд непростых вопросов, которые требуют теоретического осмысления и понимания природы возникновения некоторых языковых явлений. Многие ответы на возникающие вопросы можно найти в новом пособии «Поговорим о странностях игры...», в котором отражается весь спектр проблем, связанный с феноменом языковой игры.

Ключевые слова: языковая игра, аграмматичные формы, окказионализмы, экспрессия, диапазон языковой игры, трансформация, десемантизация, креативность.

В современной лингвистической науке феномен игры – активно изучаемое явление, «поэтому основной задачей курса «Креативная грамматика» является осмысление природы этого феномена через механизмы образования игры, которые касаются теории языка, лингвистической философии и когнитивной лингвистики» (6, 2014 (а): 5). Нам хотелось бы обратить внимание на то, что, несмотря на кажущуюся «несерьёзность», языковая игра может быть понята только тогда, когда интегрируются исследования разных гуманитарных направлений. Это объясняется «существенным усилением интереса к творческой функции языка и креативной инициативности современной говорящей личности» (Там же).

Остановимся на пособии «Поговорим о странностях игры...» (Приорова, 2014), которое существенно облегчило изучение курса «Креативная грамматика», поскольку материал анализа интегрирован по разным подходам изучения ключевого понятия – языковая игра. Для того, чтобы представить всю многогранность этого феноменального явления, приходится осмысливать механизм его порождения и спектр функционирования, поэтому как нельзя кстати на помощь приходят комплексы заданий и упражнений, закрепляющие теоретические знания, накопленные в отечественном языкознании за последние годы.

Небольшой объём пособия не умаляет широту взгляда на проблему языковой игры. В первой части систематизируются типологические свойства языковой игры, которые проявляются на разных языковых уровнях и в различных дискурсах. Во второй части рассматривается функциональный спектр языковой игры: в языке масс-медиа (пресса, телевидения, радио, интернета), рекламы, в сфере художественной словесности и бытового

общения, а в третьей части обобщаются принципы изучения языковой игры в отечественном языкознании.

Сегодня даже нелингвисты воспринимают языковую игру как неотъемлемую часть языковых процессов, происходящих во всех сферах коммуникации, и рассматривают её как яркий, интересный и сложный феномен, проникающий во все области современного социума. Интерес к изучению этого явления не ослабевает, а только усиливается, поскольку языковая игра соединяет в себе разные аспекты человеческой деятельности, будучи её разновидностью.

Отечественные исследования языковой игры «отражают многообразие подходов в изучении этого феномена: языковая игра в разговорной речи (Е.А. Земская, Е.Н. Ремчукова); отражение асимметрии языкового знака (Б.Ю. Норман, А.Г. Лыков, И.В. Приорова, В.З. Санников); игра в микроколлективах (Е.В. Красильникова); показатель чувства юмора (Г.Г. Почепцов, А.Н. Лук); форма лингвокреативной деятельности (Т.А. Гридина); особый вид речетворческой семиотической деятельности (И.А. ИONOва, Л.В. Зубова, Л.В. Лисоченко)» (7: 74).

Такое многообразие подходов в изучении языковой игры приводится в пособии к единому знаменателю: основным её признаком, который отмечается всеми исследователями, является *экспрессивный эффект*. Наибольшая экспрессия в языковой игре достигается, как известно, нарушением стереотипного восприятия действительности, изменением стандартного представления с помощью несоответствия между формой и содержанием. Поэтому наибольшую ценность для обучающихся представляют те многообразные креативные формы отражения действительности, которые опираются на новообразования с нарушениями нормы. В этих индивидуально-авторских нарушениях можно увидеть закономерность того, как фиксируются элементы когнитивного содержания. Становится ясно, что различные аномалии и нарушения в языковой норме отражают «не только эмоциональные интенции конкретного индивида, его лингвистическую инициативу, но и отражают ментальную ориентацию общества в конкретный период его развития» (Приорова, 2014 (а): 5).

Чтобы лучше понять феномен языковой игры, необходимо учитывать её *коммуникативную* сущность. В пособии «Поговорим о странностях игры...» от темы к теме возникает твёрдое убеждение в том, что языковая игра возникает благодаря способности носителя языка нестандартно осмысливать привычные явления и банальные факты в процессе речевой деятельности. Если исходить из того, что «языковая игра – это актуальное коммуникативное действие, в котором реализуется творческий потенциал языковой личности и отражается языковой вкус и культура современного общества в коммуникативном пространстве» (6: 5), то понятно, почему в отечественном языкознании нет единой классификации свойств языковой игры. Её феномен всегда описывается с разных сторон, но большинство исследователей сходятся в том, что в образовании языковой игры задейст-

вованы все *системные* свойства языка. В пособии упорядоченные свойства языковой игры рассматриваются как ресурсы того или иного языкового уровня, которые заложены в потенциале языковой системы.

Знакомство с разными типами языковой игры помогает лучше понять, как привычные языковые штампы могут преобразовываться, как из обычных грамматических форм возникают оригинальные представления, как и где они функционируют, и какую роль играет креативная способность языковой личности в этих процессах. Существенное влияние языковой игры как неотъемлемой части языковых процессов, происходящих в языке и речи, объясняется её полифункциональностью. Она (игра) является эффективным средством выражения оценочности, а способы выражения эмотивности могут быть самые разные. Опираясь на них, возникает желание во всём увидеть «игру». Перечисляя основные приёмы языковой игры, автор пособия не ограничивает выход за их рамки, и мы, придерживаясь такого же подхода, лишь обозначим наиболее важные.

Графические приёмы предусматривают использование различных средств графики и манипулирование разными средствами графической рубрикации (цифры, буквы, прописные буквы, сегменты, знаки препинания и псевдочленение). Анализ графических искажений, создающих необходимое прочтение, говорит о роли визуализации ключевых, семантически значимых сегментов текста.

Фонетические приёмы основаны на использовании фонетической формы слова, которая подвергается орфографическим и орфоэпическим нарушениям и проявляется чаще всего в различных звуковых повторах одинаковых гласных/согласных: аллитерация (повторение одинаковых или однородных согласных звуков преимущественно в начале слова); ассонанс (повторение одинаковых, чаще ударных, гласных звуков); паронимическая аттракция (семантическое сближение слов, имеющих звуковое сходство); пародирование речи и звукоподражание.

Лексические приёмы основаны на трансформации значений слов, которая возникает при полисемии, омонимии, использовании прецедентных текстов, а также при использовании топонимов, антропонимов и прагматонимов. Экспрессия языковой игры в тексте может достигаться с помощью эпитетов и метафор, а использование многозначности служит благодатным материалом для создания эффекта неожиданности. Переносные значения слов используются особенно часто в языковой игре для передачи максимальной информации и экспрессии в минимальном отрезке текста.

Словообразовательные приёмы основаны на морфемной трансформации лексических единиц, когда новое слово образуется на базе системных словообразовательных моделей с помощью аффиксации или совмещения разных корневых морфем (ср.: *мозжечокннуться* = мозжечок + чокнуться или *свежепогато* = свежо + по + гаго по аналогии с *холодногато*, *далекогато*, *сухогато* и пр.) Языковая игра может возникать при нарушении ограничений на образование притяжательных прилагательных (ср.: *Глаза у него*

[Керенского] бонапартьи и цвета защитного френч, В.Маяковский), в нестандартном использовании увеличительных и уменьшительных суффиксов (ср.: *поэтцы* и *поэтики*; *шалуненок*; *шалунище*; *болтунище*, М.Е. Салтыков-Щедрин) и в употреблении русских словообразовательных аффиксов в иноязычных топонимах и антропонимах (ср.: *Колхозники Техасщины*, *Мичиганищины* и *Примиссисипья перевыполнили план по весеннему севу*).

Морфологические приёмы базируются на «неприкосновенности» словоформы или на отсутствии того или иного члена парадигмы. Особенности неполной парадигмы (н/р: родит. падежа мн. числа слова *кочерга* или 1 л. ед. ч. глагола *победить*, отсутствие сравнительной или превосходной степени у некоторых имён) используются часто в игровой форме для дискредитации ошибки и способствуют лучшему запоминанию нормы.

Совмещение приёмов в языковой игре усиливает комический эффект и, как правило, возникает при смешении стилей с использованием официально-деловой, научно-технической, военной и пр. терминологии в разговорно-обиходном общении или же при пародировании какого-либо стиля, особенно публицистического, который тяготеет к штампам и претендует на достоверность и точность информации: *С богатой добычей вернулся в родное стойбище охотник Черттезнаев. Каково же было удивление 60-летнего охотника, когда оказалось, что мех двух убитых им лисиц – искусственный! Это уже не первый случай отстрела в Якутии лисиц с искусственным мехом* («Литературная газета», 13-я страница). Комический эффект создаётся при смешении слов и форм из разных языков (н/р, русского (просторечно-архаичного), немецкого и французского) в так называемой макаронической речи: *Ардальон Панкратьевич (нос свеклой, глаза – тусклые) вошел в палату и (кислым голосом): – Мать, поднеси чарочку. Ардальоновы девы всполохнулись, закивали туловищами, учиняли политес с конверсационом: – Пуркуа, фатер, спозаранку водку хлещете?* (А. Флит, пародия на Петра I А. Толстого). Часто игра строится не только на сочетании отдельных слов или клишированных выражений, но и на манипуляции целыми текстами. Совмещение разных нейтральных и художественных текстов, приводящее к неоднозначности, усиливает комический эффект, как в случае совмещения строк из разных стихотворений Пушкина: *– Пушкин... был вдохновен нянькой на свои лучшие произведения. Вспомните, как отзывался о ней Пушкин: «Голубка дряхлая моя... голубка дряхлая моя... сокровища мои на дне твоём таятся...» – Pardon, – вмешался молодой человек... – это как будто к чернильнице... (Н. Тэффи).*

Прагматика отражает общие закономерности общения, которыми должны руководствоваться все говорящие в коммуникативном пространстве, какой бы язык они не использовали. Один из принципов прагматики – постулат информативности (*сообщай что-то новое*), а другой принцип – постулат истинности или искренности (*говори правду*). Нарушение последнего обычно приводит к парадоксу, а в языковой игре порождает эффект

неожиданности и придаёт большую экспрессию, обеспечивающую необходимую коммуникативную стратегию, ломая стереотипные представления.

Итак, важный вывод, который складывается по совокупности изучения всех тем, сводится к тому, что *языковая игра* характеризуется формальной (из чего сделана) и функциональной (для чего сделана) спецификой, она способствует изменению стереотипа в восприятии действительности и узнаётся по экспрессивному эффекту (3).

«Несерьёзные», возможные, допустимые отклонения от нормы фиксируют элементы когнитивного содержания эмоциональных интенций конкретной языковой личности, а также отражает ментальную ориентацию социума [5]. В этом смысле интенции автора, выраженные в языковой игре, самые «серьёзные», т.к. они определяют её эстетическую ценность и оригинальность и зависят «не от вкуса времени, а от природы гения» (К. Фосслер), которая, расширяя возможности языковых форм, расширяет границы познания мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Норман Б.Ю. Грамматика говорящего / Б. Ю. Норман. – СПб. : С.-Петербург. ун-т, 2004.
2. Приорова И.В. Несклоняемые имена в языке и в речи : учеб. пособие / И. В. Приорова. – Флинта : Наука, 2008.
3. Приорова И.В. Функционально-коммуникативные свойства несклоняемых имён в языке и речи : монография / И. В. Приорова. – Астрахань : Издательский дом «Астраханский университет», 2010.
4. Приорова И.В. Аграмматизм несклоняемых заимствований в речетворчестве / И. В. Приорова // Мир русского слова. Грамматика. – 2011. – № 1. – С. 17–22.
5. Приорова И.В. Аграмматичные формы несклоняемых имён в современной языковой игре / И. В. Приорова // Язык как система и деятельность – 3 : материалы Международной научной конференции. – Ростов н/Д. : ЛОГОС. – 2012. – С. 150–152.
6. Приорова И.В. Креативная грамматика («Поговорим о странностях любви»): учебно-методическое пособие/И.В. Приорова. – Астрахань: Астраханский государственный университет, Издательский дом «Астраханский университет», 2014 (а).
7. Приорова И.В. «Игра языковая» // Когнитивный словарь литературно-философского дискурса / ред. сост. Д. М. Бычков, Е. Н. Бадалова. – Астрахань: Астрах. гос. университет, Изд. дом «Астраханский университет», 2014.
8. Фосслер К. Грамматика и история языка (к вопросу об отношении между «правильным» и «истинным» в языковедении) [Текст] / К.Фосслер. – М.: Логос, 1910. – С. 157–170.

SERIOUS ANSWERS TO FRIVOLOUS QUESTIONS

A.M. Abdrahmanova, L.V. Kuznetsova

Astrakhan State University

While studying the course “Creative grammar” raises a number of complex issues that require theoretical comprehension and understanding of the nature of occurrence of certain linguistic phenomena. Many of the answers to the given questions can be found in the new manual “Let’s talk about the strangeness of the game ...”, which reflects the whole range of problems associated with the phenomenon of language game.

Key words: *language game, agrammatical forms, occasionalisms, expression, range of language game, transformation, desemantization, creativity.*

ОБЩИЙ СЛЕНГ КАК ЯВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Г. САИЛЯН
ЕГУАиС

В статье освещается одна из актуальных и малоизученных проблем современного русского языка – общий сленг. Выявляются отличительные особенности, характеризующие этот пласт лексики, дается определение явлению, проводится сопоставительный анализ понятий «общий сленг» и «социальные жаргоны», обозначаются источники пополнения сленга.

Ключевые слова: *сленг, социальные диалекты, стилистическая маркированность, эмоционально-экспрессивная окрашенность, оценочность, недетерминированность, деривационная активность.*

В 1999 году вышел в свет словарь общего жаргона «Слова, с которыми мы встречались» (под ред. Е.А. Земской, П.И. Розиной и О.П. Ермаковой). В словаре зафиксировано около 2, 5 тысяч лексических единиц, утративших такой признак, как корпоративность, т.е. закрепленность за речевой практикой отдельных социальных групп. Тем самым в русистике обнаруживается новый научный объект и вводится новый термин - «общий жаргон». По определению авторов словаря, это «тот пласт современного жаргона, который, не являясь принадлежностью отдельных социальных групп, с достаточно высокой частотностью встречается в языке средств массовой информации и употребляется (или, по крайней мере, понимается) всеми жителями большого города, в частности, образованными носителями литературного языка» [1: 4].

Актуальность исследования этой обширной группы нестандартных лексико-фразеологических единиц, отличающихся ярко выраженной стилистической окрашенностью (маркированностью), не вызывает сомнений. Однако проблемы и разногласия возникли уже при попытке терминологического определения данного явления. Термин «жаргон» по традиции ассоциируется с речью закрытой социальной группы, часто враждебной обществу (жаргон наркоманов, тюремно-лагерный жаргон...). Во всяком случае, для жаргона характерно четкое разделение на своих и чужих (молодежный жаргон, интернет-жаргон...). А потому в словосочетании «общий жаргон» налицо внутреннее противоречие – жаргон по определению не может быть общим. С учетом всех этих противоречий ряд лингвистов предложили термин *сленг*. Наиболее точным нам кажется определение сленга, данное в словаре Wentworth, Flexner 1975: Slang is the popular expression of many subgroups. То есть в английской лексикографии этим термином обозначаются жаргонные по происхождению слова, ставшие достоянием всех слоев населения.

Следует отметить, что современному периоду активизации сленга предшествовали два других: революционный (1917) /постреволюционный и период хрущевской оттепели (1950-60 гг.). Однако современный сленг отличается не только количественно (налицо бурное пополнение этой подсисте-

мы языка), но и качественно. Принципиально новой особенностью современного сленга является его проникновение абсолютно во все сферы, в том числе официальную и деловую. Подобная открытость языковой системы и активное проникновение сленга в нормированный литературный язык поставили языковедов перед проблемой - существует ли граница между сленгом и литературным языком, не призрачна ли она, и не стали ли сленгизмы частью литературного словоупотребления.

Аналогичное положение наблюдается в современных American English и во французском (об этом писали, в частности, Швейцер 1983, Хорошева 1996). Это привело к тому, что в конце XX в. лингвисты впервые заговорили о начале формирования так называемого общего жаргона.

Однако обратимся к истокам зарождения явления, в дальнейшем получившего определение «сленг». Сленг уходит корнями в городское просторечие, его называют также «новым городским просторечием». Впервые о необходимости изучения языка города заговорил в своей программной статье «О лингвистическом изучении города» (1928) представитель ленинградской лингвистической школы Б.Ларин. Он был убежден в том, что неканонизированная устная и письменная речь различных социальных групп города непосредственно влияет на литературный язык. А значит, кроме основных языковых сфер – литературного языка и крестьянских диалектов, следует серьезно исследовать городское аргю как третий круг языковых явлений, выделяя в языкознании специальное направление – изучение языка города. Призыв Ларина о серьезном изучении особой подсистемы языка, прозвучавший в 20-х гг. XX века сегодня актуален как никогда. Эта подсистема, являющаяся промежуточным звеном между литературным языком и диалектами, представлена сленговыми, жаргонными единицами, а также словами, относящимися к городскому просторечию. Необычайная экспрессивная наполненность этих слов сделала их очень востребованными в постсоветский период, когда демократизация общества привела к закономерной демократизации языка. Изменения в языке привели к изменению традиционных представлений о языковых явлениях. Так, в частности, представление о просторечии как о малограмотной речи необразованных слоев населения устарело и требует более широкого толкования. Попытка языковедов по-новому взглянуть на проблему просторечия привела к выделению двух принципиально отличных групп номинативных единиц и, соответственно, двух принципиально отличных видов просторечия: социального и функционально-стилистического. Социальное просторечие, или как его именуют исследователи «внелитературное просторечие» - это просторечие в узком, традиционном понимании. Оно свойственно людям определенного социального статуса, недостаточно образованным, обычно пожилого возраста, часто не городского происхождения. Собственно просторечию, или социальному просторечию противопоставляется функционально-стилистическое просторечие, представленное лексическими единицами с высокой эмоционально-оценочной нагрузкой, которые могут быть

употреблены представителями самых разных слоев населения (как образованными, так и не очень), или, как отмечал Ф.П. Филин, эти слова могут быть употреблены «в подходящей ситуации любым образованным человеком» [2: 7].

Начиная с 70-х гг. XX века к проблеме разделения просторечия как языкового пласта на две принципиально разные подгруппы – просторечие 1 и просторечие 2 – обращались такие исследователи, как Л.А. Капанадзе 1984, В.Д. Бондалетов 1987, Л.П. Крысин, В.В. Химик 2000 и др. Именно просторечие 2 стало источником образования лексических единиц, позже обозначенных как сленговые. Расхождения имели место уже при выборе термина, которым можно обозначить новое языковое явление. В.М. Макиенко, например, предлагал назвать эти слова «жаргонизированными», Л.П. Химик – «сленгово-просторечными», «социализированными», О.П. Ермакова, Е.А. Земская, Р.И. Розина впервые вводят термин «общий сленг». Это определение оказалось наиболее удачным и прижилось. Этим термином обозначаются слова, входящие в активное употребление с 1985 года. Их отличает разговорное происхождение, эмоционально-экспрессивная окрашенность, ярко выраженная оценочность.

«В приемной в нерешительности мнутя обворованные или избитые пассажиры... За решеткой напротив - взятый за вымогательство "хачик"» (МК. 7.05.1994). «Чуда ожидают все. У нас народ, в основном, ожидает халаяной курицы в холодильнике» (МК. 24.11.1993). «Парень уже успел обуть две коммерческие фирмы, получив по чекам разных товаров на 3 миллиона рублей» (МК. 16.04.1994). «Единственное, что там можно было словить случайно, - обломившуюся новую машину» (МК. 27.07.1993). «Стали банальными обращения Ассоциации российских банков (АРБ) к властям с требованиями защитить руководителей коммерческих банков от "наездов" и просто убийств, организованных криминальными структурами» (Известия. 05.08.1994). «Гир не стал балдеть от лошкарей и Люси Гурченко, которая спела под фанеру» (КП. 28.07.1995). «Падение доллара, самой крепкой валюты по отношению к рублю, произошло из-за неоправданного роста его курса в апреле - мае, когда коммерсанты бешено сбрасывали рубли и прочно "сели на бакс"» (МК.12.08.1993). «Наши корреспонденты побывали в местах "отмывки" старых денег - в расчетно-кассовом центре на Измайловском бульваре» (МК. 22.12. 1993). «На их родине буржуазные азартные игры все еще запрещены, - естественно, что они здесь "отрываются"» (Сегодня. 02.09.1995). «Я уже "достал" его вопросом о том, зачем его организации нужна греческая лотерея» (КП. 30.10.1992). «Вдруг каких-то два типа то ли для стеба, то ли провоцируя, стали кидать камнями в него и в животное» (МК. 31.10.1993). «Всему этому бараклу, которое "впаривают" прохиндеи наивным простакам, 50 тысяч - красная цена» (АиФ. 1997, № 32). «У Валерия Леонтьева чуть не накрылась премьера» (МК. 9.10.1993). «Непосредственно в боях у "Останкино" и в БД засветились так называемые бойцы военизированных подразделений» (МК. 12.10.1993).

Источником, пополняющим сленговую лексику, являются социальные диалекты. Общий сленг принимает лексические единицы, делигируемые различными соцжаргонами. Переход из соцжаргона в общий сленг может происходить через язык-посредник. Чаще всего в роли «промежуточного

звена» выступает молодежный жаргон. При переходе из соцжаргона в общий сленг слова могут подвергаться трансформации - имеет место избавление от дифференцирующих сем, характерных для жаргона первоисточника, расширение семантики, вследствие чего слово из пассивной лексики переходит в активную.

Общий сленг – явление в русском языке новое, недостаточно изученное. Исследователи этого языкового явления расходятся даже по поводу терминологического обозначения изучаемого предмета. Однако уже сейчас можно утверждать, что общий сленг (именно этот термин лингвисты считают наиболее удачным) отличает ряд особенностей, присущих этому пласту лексики. Под это определение исследователи относят лексику:

1) Сниженную, разговорную (при этом следует отметить, что степень приближения к литературной норме различна. Некоторые сленгизмы вполне могут быть отнесены к нейтральной лексике, в частности, суффиксальные универбаты. Сравним, мобильник, кругосветка, тусовка и др.) В то время как другие, несомненно, закреплены за ненормативной лексикой (чмо, мусор, сходяня...).

2) Недетерминированную. Сленг признается антиподом литературного языка и частично отождествляется с жаргонами и диалектами. Однако отличительной особенностью сленга является его недетерминированность. Сленг не детерминирован территориально (в отличие от диалектов) и социально (в отличие от социальных жаргонов).

3) Общепонятную и общеупотребительную. Сленговая лексика широкоупотребительна. Сленгизмы активно используются представителями практически всех слоев населения от подростков до пенсионеров, от грузчиков до политических деятелей.

4) Стилистически маркированную. Практически любая сленговая единица является стилистически маркированной, а потому не случайно активное использование этих лексических единиц как в устной, так и в письменной речи с целью разнообразить речь ярким, выразительным словом.

5) Экспрессивно-эмоциональную. Если специальный сленг выполняет идентификационную, аттрактивную, криптологическую функции, то основной функцией общего сленга является эмоционально-экспрессивная.

6) Оценочную (сленг не просто называет тот или иной предмет или явление, он дает им оценку). Независимо от того, где именно употребляются сленгизмы (будь то внутрисемейная коммуникация или публичная речь официальных лиц), они выражают отношение говорящего и дают оценку происходящему. Сравним: «Истекает срок прихватизации» (АиФ 5(1266) 2005 г.).

Сленг – конгломерат социальных жаргонов, которые делегируют в общий сленг своих «представителей». При переходе из соцжаргона в общий сленг слово либо сохраняет свое исконное значение, либо приобретает новое, ранее ему несвойственное (чаще всего имеет место расширение смысла).

Сленгизмы – символические средства выражения мыслей, чувств и истин, доступные пониманию большинства носителей русского языка. Главный признак сленга – групповая немаркированность слов: сленговая единица, в отличие от арготизмов, жаргонизмов или профессионализмов, в сознании носителя языка не соотносится с какой-либо определенной социальной группой и не несет на себе печать определенной субкультуры. Сленгизмам свойственна бытовая конкретность семантики, сниженность, «приземленность» образа. Сравним: «врубаться» - понимать, «чайник» - простодушный, неопытный человек...

Современные сленгизмы отличает деривационная активность. Нередки случаи, когда в микротексте встречаются сленгизм и образованный от него деривант. Сравним: «В общем, предложил уйти под его *крышу*, подписать контракт. Тот *крышеватель* мне еще встречу назначил» (Отдохни. 28. 12. 07. 2006 г.).

«Дело в том, что на всех музыкальных премиях артисты получают свои звания не за музыку, не за талант, даже не за какие-то хиты, а исключительно за *раскрутку*. Все наши музыкальные премии можно назвать *раскруточными*» (АиФ 11(1324) 2006 г.).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И. Слова, с которыми мы все встречались. М., 1999.
2. Филин Ф. П. О структуре современного русского литературного языка // Вопросы языкознания. 1973. № 2.
3. Ферм Л. Лексика современного русского языка на материале газет. М., 1999.
4. Ларин Б.А. О лингвистическом изучении города // История русского языка и общее языкознание. М., 1977.
5. Капанадзе Л.А. Современное городское просторечие и литературный язык // Городское просторечие: проблемы изучения. М., 1984.
6. Костомаров В.Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. Изд. 3, испр. и доп. СПб.: Златоуст, 1999. С. 44.
7. Кудрявцева Л.А. Язык города: общий сленг // Электронный ресурс: <http://russian.kiev.ua/archives/2005/0512/051220ct01.shtml>

The article covers one of the important and little-studied topics of modern Russian language - common slang. The distinctive features that characterize this layer of vocabulary are brought forward, definition of the phenomenon is given, as well as a comparative analysis of common slang and social jargon concepts is carried out, and the sources of slang are mentioned.

Key words: *slang, social dialects, stylistic labelling, emotionally expressive richness, pronounced evaluation, nondeterministic, derivational activity.*

О СТЕПЕНИ СХОДСТВА В ЗВУЧАНИИ ПАРОНИМИЧНЫХ СЛОВ

Ж. В. АРУТЮНЯН,
Гюмрийский филиал АГЭУ
Э.Н. ТАТЕВОСЯН,
АГЭУ

В поисках ответа на вопрос, какая степень сходства слов в звучании становится причиной непреднамеренного смешения паронимичных слов, авторы статьи обратились к исследованиям, осуществленным Е.И. Большаковой и И.А. Большаковым при подготовке компьютерного словаря русских паронимов, основанного на формальном критерии паронимии. В результате проведенного авторами настоящей статьи эксперимента было установлено, что слова могут быть признаны паронимичными, если имеют одинаковый корень, принадлежат к одной части речи, а их аффиксные различия находятся в строго установленных рамках.

Ключевые слова: паронимия, паронимы, паронимический ряд, сходство в звучании, формальный критерий, терминосистема экономики, аффиксные различия.

При обращении к словарному составу современного литературного русского языка нельзя не обратить внимание на существование большого количества слов, которые в той или иной степени созвучны, но различаются семантикой. К таким словам относятся паронимы. Анализ литературы по вопросу показал, что место паронимии в языке в последние годы определяется следующим образом: это явление языковой нормы и факт языковой системы (Бельчиков, Панюшева 1968; 1994; Колесников 1971; 1995 и др.), своеобразное и закономерное проявление системности лексики (Фомина 1983; Ардаганян 1985 и др.).

Как указывает М.И. Фомина, “само явление паронимии – вполне закономерно. Новые слова-паронимы возникают в русском языке постоянно. Этому способствует активно действующий в языке закон аналогии” (4: 103). “Наряду с другими лексическими средствами слова-паронимы характеризуют богатство русского словаря”, – справедливо отмечает далее М.И. Фомина (4: 107). По признанию автора одного из новейших толковых словарей паронимов русского языка В.И. Красных, “паронимы в современном русском языке представляют собой весьма значительный и активно пополняющийся пласт лексики” (3). Вопрос о существовании в языке паронимичных слов и паронимии как проявлении системности в лексике был поставлен уже давно теми специалистами, которые занимались проблематикой преподавания русского языка как иностранного (неродного) (Пересветов, Солонино 1935; Киселева 1964; Вишнякова 1965; Снетова 1972; Ардаганян 1985 и др.). Интерес к этой проблеме объясняется тем, что нерусские учащиеся часто отождествляют семантические значения паронимичных лексем, что связано с частичным структурным и звуковым сходством данных ЛЕ, обусловленным общностью их корневой морфемы. При

недостаточном внимании паронимичные слова становятся предметом смешения и отсюда — источником постоянных речевых ошибок у изучающих РКИ.

Сравнивая имеющиеся в специальной литературе определения, можно заметить, что к паронимам относят как однокоренные слова, так и любые, близкие по звучанию. На это обстоятельство указывал в свое время Н.М. Шанский: “Под паронимами понимаются то близкие по своему звучанию, но разные по значению слова в целом (как однокорневые, так и гетерогенные), то одни лишь однокорневые слова разной семантики. В последнем случае лексические единицы сходного звучания, но различные по значению относятся к паронимии” (5: 32).

В 30-70-е годы прошлого века паронимами считались любые слова, близкие по своей внешней звуковой (Пешковский 1930; Гвоздев 1955; Розенталь 1974) и графической форме (Марузо 1960; Введенская, Дыбина, Щеболева 1976). При таком подходе паронимами считались такие пары слов, как: *глух — глуп, предать — продать, цвет — свет, вместе — вместо, бежать — бегать, форма — фирма* и т.д. По-разному толкуется авторами также степень близости звучания слов-паронимов: от в какой-то мере сходного звучания (Колесников 1971) до очень близкого, но не тождественного произношения (Шанский 1959; Попов, Валькова и др. 1978; Матвеева 2003).

Е.И. Ардаганян вслед за Д.Н. Шмелевым (Шмелев 1977) понимает вообще всякие близкие по звучанию слова — *апеллировать — оперировать, заведовать — завидовать* (Ардаганян 1985: 39), вследствие чего в качестве критерия отбора паронимов и их систематизации в группу (в основном в пару), по мнению автора, “можно принять самые различные формальные сходства — звучания, написания, схожести со словами армянского языка — и различия или частичное сходство значений” (1: 40).

Как видим, каждый из авторов по-своему представляет себе степень сходства звучания слов-паронимов: от несколько сходного звучания до звукового подобия. Так, например, В.И. Красных считает паронимами следующий ряд слов: *зловредный — злокачественный — злонамеренный — злопамятный — злополучный — злорадный — злосчастный — злоумышленный* (3: 163). Признавая наличие общего корня в этих сложных по составу словах, трудно тем не менее согласиться с тем, что эти прилагательные — паронимы, поскольку отмечается лишь частичное звуковое сходство.

В поисках ответа на вопрос, какая степень сходства слов в звучании становится причиной лексической ошибки при обучении РКИ, мы обратились к исследованиям, проведенным Е.И. Большаковой и И.А. Большаковым при подготовке компьютерного словаря русских паронимов, основанного на формальном критерии паронимии.

Ими предложен формальный критерий паронимии, согласно которому «паронимами считаются те пары слов одного корня и одной части речи, у которых различия в аффиксах (раздельно в префиксах и суффиксах) находятся в фиксированных рамках (выделено нами — Ж.А., Э.Т.) (2).

Исследовав словник наиболее полного словаря русских паронимов В.И. Красных (3), авторы определили ту меру сходства слов в аффиксах, которая в 99% случаев гарантирует паронимию «в ее интуитивном лингвистическом понимании». Формальное определение паронимии слов учитывает их сходство в аффиксах, причем отдельно – в префиксах и в суффиксах. В ходе эксперимента было установлено, что в любом паронимичном слове префиксов не более трех, суффиксов – не более шести, а корень и окончание единственны. Сложные слова, с точки зрения авторов данного исследования, по определению не могут быть паронимичными.

В словаре В.И. Красных слова паронимического ряда относятся к одной части речи и упорядочены по алфавиту. Это означает, что эти слова неявно считаются равноправными внутри своего ряда и любое из них паронимично всем остальным. При сравнении существительных одного ряда не учитывались пары, различные по роду и/или числу, но добавлялись формы множественного числа тех существительных, которые таковые имеют. В глагольные ряды добавлялись глаголы другого вида, если таковой у них существует.

Исследуя словарь В.И. Красных, Е.И. Большакова и И.А. Большаков применили ранговое распределение статистических данных по степени сходства в звучании и выявили, что первые два ранга занимают пары, различающиеся всего одним аффиксом, причем больше всего пар различается только одним суффиксом. 3-й и 4-й ранг занимают пары, различающиеся двумя аффиксами, 5-й ранг заняли пары, имеющие одинаковый морфный состав. Сюда попали существительные с алломорфизмом корня, а также глаголы и прилагательные с алломорфными корнями и/или разными окончаниями.

Словесная формулировка выведенного авторами критерия паронимичности слов такова: либо префиксы в сравниваемой паре одинаковы, а различий в суффиксах не более трех, либо у них один различный префикс, а различий в суффиксах не более двух.

Как видим, лингвистическая интуиция автора одного из самых полных на сегодняшний день словарей паронимов В.И. Красных допускает у паронимов больше различий в суффиксах, чем в префиксах, и лексикограф предпочитает считать паронимами слова с одинаковыми началами.

Мы, в свою очередь, предложили студентам первых курсов 4 факультетов (финансовом, факультете маркетинга и организации бизнеса, факультете информатики и статистики и факультете бухгалтерского учёта и аудита) АГЭУ и финансово-учетного факультета (специальности: бухгалтерский учет и аудит, финансы, управление, коммерция) Гюмрийского филиала АГЭУ несколько двучленных и многочленных рядов паронимов в терминосистеме экономики и попросили их отметить те пары (ряды, модели) слов, которые им кажутся наиболее близкими по звучанию.

Было выявлено, что наиболее схожими по звучанию большинством опрошенных (более 80%) были признаны пары, имеющие *одинаковый морфный состав*: существительные с алломорфизмом корня (типа *отечество*

– *отчество, мелодика – мелодия*), глаголы и прилагательные с разными суффиксами или окончаниями (типа *белеть – белить, темнеть – темнить, временный – временной*), заимствованные существительные с суффиксами -*ант/-ат* (типа *ликвидант – ликвидат, гонорант – гонорат*). 2-й ранг занимали пары, различающиеся всего одним аффиксом, причем среди них больше всего глагольных пар, которые различаются всего одним *префиксом* (напр., *выплатить – заплатить – оплатить – уплатить*); 3-й ранг – многочленные ряды и пары, различающиеся только одним *суффиксом* (*авторизационный – авторизованный; авторитарный – авторитетный – авторский, абстрактность – абстракция* и др.); 4-й ранг заняли пары (ряды), различающиеся двумя и более аффиксами (*администратор – администрация – администрирование; действенный – действительный – действующий; группировочный – групповой* и др.).

Таким образом, слова могут быть признаны паронимичными, если имеют одинаковый корень, принадлежат к одной части речи, а их аффиксные различия находятся в строго установленных рамках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ардаганян Е.И. Обучение семантически систематизированной лексике русского языка в начальных классах армянской школы : дис. ... к-та пед. н. – М., 1985. – 202 с.
2. Большакова Е.И., Большаков И.А. Компьютерный словарь русских паронимов, основанный на формальном критерии паронимии // В кн: Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 29 мая - 2 июня 2013 г.). В 2-х т. <http://publications.hse.ru/books/85579212>
3. Красных В.И. Толковый словарь паронимов русского языка. – М.: Астрель-АСТ, 2003. – 589 с.
4. Фомина М.И. Современный русский язык. Лексикология. – М.: Высшая школа. 1983. – 335с.
5. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Просвещение, 1972. – 320 с.

ON THE DEGREE OF PHONETIC SIMILARITY OF PARONYMOUS WORDS

J. V. Harutyunyan

Armenian state university of economics, Gyumri Branch

E. N. Tadevosyan

Armenian State University of Economics (ASUE)

In search of an answer to the question of what degree of similarity in the sound of words becomes a cause of unintentional mixing of paronymous words, the authors referred to the researches carried out by E. I. Bolshakova and I.A. Bolshakov in preparation of computer dictionary of Russian paronyms based on formal criteria of paronymy. As a result of experiment carried out by the authors of this article it was found that words may be recognized paronymous if they have the same root, belong to the same part of speech, and their affixal differences are in strictly defined framework .

Key words: *paronymy, paronymous series, phonetic similarity, formal criteria, terminology of economics, affixal differences.*

ՀԱՐԱՆՈՒՆ ԲԱՌԵՐԻ ՀՆՁՑՈՒՆԱԿԱՆ ՆՄԱՆՈՒԹՅԱՆ ԱՍՏԻՃԱՆԻ ՄԱՍԻՆ

Ժ. Վ. Հարությունյան
 ՀՊՏՀ, Գյումրու մասնաճյուղ
 Է. Ն. Թադևոսյան
 ՀՊՏՀ

Բառերի արտասանության մեջ եղած նմանության ո՞ր աստիճանն է հարանուն բառերի ակամա շփոթման պատճառ դառնում: Այս հարցի պատասխանը որոնելիս հոդվածի հեղինակներն անդրադարձան Ե. Ի. Բոլշակովայի և Ի. Ա. Բոլշակովի հետազոտություններին, որոնք իրականացվել էին ռուսերեն հարանունների համակարգչային բառարանի (հիմնված հարանունության ձևային չափանիշի վրա) ստեղծման ժամանակ: Սույն հոդվածի հեղինակների անցկացրած գիտափորձի արդյունքում սահմանվել է, որ բառերը կարող են հարանուն համարվել, եթե նույնարմատ են, պատկանում են նույն խոսքի մասին, իսկ նրանց ածանցային տարբերությունները խստորեն սահմանված շրջանակներում են:

Բանալի բառեր հարանունություն, հարանուններ, հարանունական շարք, արտասանության նմանություն, ձևային չափանիշ, տնտեսագիտական տերմինահամակարգ, ածանցային տարբերություններ:

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ЛИРИКЕ П. А. ВЯЗЕМСКОГО

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ).
Проект № 15-04-00180

А. А. ЛЕБЕДЕВ

Петрозаводский государственный университет

В статье рассматриваются вопросительные предложения, встречающиеся в поэтическом синтаксисе П.А. Вяземского, определяются их функции и роль в тексте. Исследуются наиболее часто встречающиеся в творчестве поэта типы вопросительных конструкций, вторичные функции вопросительных предложений, а также анализируется роль вопросов в формировании стихотворной структуры.

Ключевые слова: *вопросительное предложение, вопросительная конструкция, поэтический синтаксис, риторический вопрос, экспрессивный синтаксис.*

Важная роль вопросительных предложений в целостной организации лирического текста не ставится исследователями поэзии под сомнение, поскольку вопросительные конструкции зачастую зависимы «от общих особенностей поэтики авторов» [9: 23] и в целом отражают эволюцию творчества поэта. Как отмечает В.Б. Сорокин, «в лирических жанрах литературы нового времени вопросительные предложения имеют множество смысловых оттенков и композиционных функций» [7: 3]. С помощью вопросов поэт способен проиллюстрировать рассуждения лирического героя, облакающего свою мысль в форму слова, выражающего собственный внутренний мир. Более того, сами по себе вопросительные конструкции позволяют «не только ярче озвучить основную тему произведения, но и обозначить участников коммуникативного акта, разворачивающегося в пространстве художественного текста» [5: 87].

В 310 стихотворениях П.А. Вяземского нами было обнаружено 498 вопросительных конструкций (в среднем 1,6 вопроса на стихотворение). Статистика использования вопросительных конструкций в лирике Вяземского представлена в таблице 1.

Число вопросительных предложений в стихотворении	Число стихотворений
0	156 (50,32%)
1	63 (20,32%)
2	27 (8,71%)
3	16 (5,16%)
4	7 (2,26%)
5	16 (5,16%)
6	7 (2,26%)
7	3 (0,97%)
8	4 (1,29%)
9	4 (1,29%)
10 и более	7 (2,26%)

Как видно исходя из данных, представленных в таблице 1, вопросы присутствуют лишь в 154 произведениях – то есть, менее чем в половине из стихотворений поэта. В то же самое время, специфика расположения вопросительных предложений в тексте указывает на то, что данной синтаксической конструкции Вяземский уделял большую важность, концентрируя группы, состоящие из вопросов, в одном месте (используя так называемый прием сгущения).

Вопросительные предложения, встречающиеся в творчестве Вяземского, были рассмотрены с точки зрения классификации, предложенной во втором томе «Русской грамматики» [6: 393-396]. Как показал анализ, стихотворения Вяземского содержат в себе всё многообразие вопросительных конструкций. «Русская грамматика» предлагает многоступенчатую классификацию, в основе которой лежит деление функций вопросов на первичную (получение ответа на вопрос) и вторичную (передача информации).

Разумеется, особый интерес для анализа поэтической речи представляют вторичные функции вопросов, связанные с передачей информации – ведь она в таком случае является экспрессивно окрашенной. Чаще всего у поэта встречаются вопросы с экспрессивно окрашенным утверждением:

<i>Я знаю, что о том давно уж споры стихли, А все-таки спрошу: гекзаметр, полно, стих ли? [3: 308]</i>	<i>...Не всем ли нам В путь роковой идти всё тем же следом? [3: 339]</i>
--	--

Или с экспрессивно окрашенным отрицанием:

- *Я вас обманывал - но мог ли обмануть? [3: 241]*
- *Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо? [3: 340]*

Остальные типы вопросов, направленных на реализацию вторичной функции, у Вяземского встречаются значительно реже, как это бывает с вопросами, выражающими эмоциональную реакцию говорящего («*Ты мыслить вздумал? Ты? Дружок! Перекрестись!*» [3: 128]) и вопросами, направленными на активизацию внимания:

- *Зато, когда из лиц почетных кто умрет,
Клеймит он прах его своею дружбой грязной.
Так что же? Тут расчет... [3: 280]*

Рассуждая о вопросительных конструкциях, нельзя не упомянуть и об их роли в организации поэтического синтаксиса. Вяземский в своей поэзии использует разные типы вопросительных конструкций. Наиболее часто встречаются:

1) риторический вопрос – использование формы вопроса в утвердительных или побудительных конструкциях [8: 275]:

- *Клянусь: и я любить умею,
Но натошак что за любовь?* [3: 60]

2) гипофора – вопрос, обращенный говорящим к самому себе, ответ на который и дает говорящий [8: 174-175]:

- *Что век зоила? - день! Век гения? - потомство!* [3: 73]
- *Что мысли? Выдержки ума!* [3: 206]

3) дубитация – вопрос, выраженный вслух в виде выражения сомнения в чем-либо [8: 180]:

- *Вы говорите: жизнь есть благо, -
Что ж после назовете злом?* [3: 376]

Для вопросительных конструкций в поэзии Вяземского характерен прием сгущения. О сгущении вопросительных предложений в поэзии Пушкина упоминает Л. Д. Беднарская, отмечая, что именно Пушкин «открыл мощное экспрессивное средство, которые переняли у него русские поэты» [2: 95]. Безусловно, в таком случае влиянию Пушкина подвергся и Вяземский, поскольку поэт любит задавать читателю множество вопросов. С явлением сгущения мы сталкиваемся, к примеру, при чтении стихотворения «Святочная шутка»:

<i>Скажите ж, видели ль вы черта?</i>	<i>В усах ли, иль не дует в ус?</i>
<i>Каков он? Немец иль русак</i>	<i>Что, каковы в нем чувства, мысли,</i>
<i>Что на ноге его: ботфорта</i>	<i>Что за приемы, речи, вкус?</i>
<i>Иль камер-юнкерский башмак?</i>	<i>Что от него вы переняли</i>
<i>Черноволос ли, белобрыс ли,</i>	<i>Иль не его ль учили вы?</i> [3: 226]

При этом иногда поэт отвечает на поставленные вопросы. К примеру, стихотворение «Недовольный» состоит из чередования вопросов и ответов (18 пар предложений), обрамляемого двумя вопросительными конструкциями:

<i>Каких нам благ просить от бога?</i>	<i>Богатства? - Не запас от скуки!</i>
<i>Фортуны? - Слишком быстронога,</i>	<i><...></i>
<i>Едва придет и пропадет!</i>	<i>Покая? - И к монастырям</i>
<i>Чинов? - За ними рой забот!</i>	<i>Ему заложена дорога! -</i>
<i>Высоких титулов? - Тщетны звуки!</i>	<i>Каких же благ просить от бога?</i>
	<i>[3: 162-163]</i>

Таким образом, именно вопросительные конструкции являются попыткой ответить на основной вопрос стихотворения («Каких нам благ просить от бога?»), однако убедительного ответа поэт так и не находит, что заставляет Вяземского вновь задаться искомым вопросом.

Иногда Вяземский уклоняется от прямого ответа, давая возможность поразмыслить над заданными вопросами самому читателю:

<i>Но силой ли души иль слепотой почесть, Когда вы жизни сей, дарами столь убогой, Надежды лучшие дерзаете принести На жертвенник обязанности строгой? Что к отреченью вас влечет? Какая власть Вас счастья призраком дарит на плахе счастья? Смиренья ль чистого возвышенная страсть,</i>	<i>Иль безмятежный сон холодного бесстрастия? Вы совершенной ли, иль хладнокровней нас Вы жизни выше ли, иль, как в избранный камень От Пигмальноновой любви, равно и в вас Ударить должен чистый пламень? [3: 169]</i>
--	---

В позднем творчестве Вяземского сгущением вопросов наполнены философские стихотворения, посвященные поиску смысла жизни. Поэт сопоставляет прошлое, настоящее и грядущее и задается вопросами жизни и смерти:

- *А после? Вот вопрос. Как знать, зачем пришли мы?
Зачем уходим мы? На всем лежит покров...* [3: 415]

Здесь вопросительные конструкции часто содержат в себе антитезы, типичные для творчества поэта (подробнее об этом - в статье «Антитеза в поэтическом творчестве П. А. Вяземского» [4: 137-139]):

- *Не все ль мы странники? Не всем ли нам
В путь роковой идти всё тем же следом?
Сегодня? Завтра? День тот нам неведом,
Но свыше он рассчитан по часам* [3: 339].

- *Сегодня второе издание
Того, что прочел я вчера;
А завтра? Напрасно гаданье!
Еще доживу ль до утра?* [3: 383]

В ряде случаев серии вопросов поэт задает устами героев стихотворения. Это могут быть конкретные личности - например, парижский жандарм в стихотворении «Проезд через Францию в 1851 г.». Здесь сгущение вопросов подчеркивает опасения и тревоги французского служащего:

*Он весь встревожен: не везу ли
К карете пушки я тайком?
Не адский ли снаряд? И пули
В нем не набиты ли битком?
Не еду ль я мутить Вандею?
Коню троянскому под стать,
В карете, может быть, имею
Бивакирующую рать?*

*Из зависти к Наполеону
И чтоб потешить англичан,
Уж не Вандомскую ль колонну
Украл и сунул я в рыдван? [3: 300]*

Также авторами вопросов могут выступать и абстрактные персоналии, такие как Непорочность:

*И непорочность, зря дней ваших блеск преступный,
Смущаясь, говорит: «Где ж он? Где ж казни бог?
Где ж судия необольстимый?
Что ж медлит он земле суд истины изречь?
Когда ж в руке его заблещет ярый меч
И поразит порок удар неотвратимый?» [3: 144]*

И даже Невежество и Ханжество:

*"Кто ты? - кричат ему привратники святыни,
Невежество и Ханжество. -
Яви! чем заслужил признательность богини?
Твой чин? Твой формуляр? Занятья? Мастерство? [3: 161]*

В одной из эпиграмм, направленных против А. С. Шишкова, руководителя литературного общества «Беседы любителей русского слова», Вяземский сам задается целой серией вопросов, и в конце дает однозначный обличающий ответ:

*Кто вождь у нас невеждам и педантам?
Кто весь иссох из зависти к талантам?
Кто гнусный лжеец и записной зоил?
Кто, если мог вредить бы, вреден был?
Кто, не учась, других охотно учит,
Врагов смешит, а приближенных мучит?
Кто лексикон покрытых пылью слов?
Все в один раз ответствуют: Шишков! [3: 79]*

Разумеется, нельзя не отметить особые случаи использования Вяземским вопросительных конструкций для формирования структуры стихотворения. В ряде произведений Вяземский, начиная стихотворение вопросительным предложением или группой из вопросительных предложений, ими же свой стих и заканчивает (иногда в незначительно измененном виде). К числу таких произведений можно отнести уже упомянутое стихотворение «Недовольный», а также «Уж не за мной ли дело стало?»

Уж не за мной ли дело стало?

Не мне ль пробьет отбой?

<...>

Уж не за мной ли дело стало?

Теперь не мне ль пробьет отбой? [3: 279]

В стихотворении «"Зачем вы, дни?" - сказал поэт...», в котором Вяземский рассуждает о сне и смерти, меняется способ, которым поэт задает вопрос – он уже не просто спрашивает, он вопиет:

«Зачем вы, дни?» - сказал поэт.

А я спрошу: «Зачем вы, ночи?»

<...>

И вопию: «Зачем вы, ночи?» [3: 377-378]

Заочный диалог Вяземского с Баратынским, чьему перу принадлежат строки «На что вы, дни! Юдольный мир явления...» [1] - это диалог двух вопрошающих гениев. Но ответа на поставленные вопросы творцы найти так и не смогли.

Вяземский выносит вопросительные предложения в заглавие лишь двух стихотворений («Когда? Когда?» и Kennst du das Land?), и именно в них вопросительные предложения играют важную композиционную роль. В стихотворении «Когда? Когда?» все конструкции являются вопросительными. При этом каждая из восьми строф стихотворения состоит из двух предложений, первое из которых – развернутый вопрос, начинающийся с союза «когда», а второе – рефрен

«Когда, когда?».

Когда утихнут дни волненья

И ясным дням придет чреда,

Рассеется звездой спасенья

Кровавых облаков гряда?

Когда, когда?

Когда корысть, не зная страха,
Не будет в храминах суда
И в погребях, в презренье Вакха,
Вино размешивать вода?
Когда, когда? [3: 80-81]

Во втором стихотворении «Kennst du das Land» («Ты знаешь ли край?») в первых четырех строфах Вяземский также задается рядом вопросов:

*Kennst du das Land, где фимиамом чистым
Упоены воздушные струи,
Где по холмам прохладным и тенистым
Весна таит сокровища свои?
Где негой роз и блеском их румянца
Ковры лугов нестреют и цветут
И где срослись и злато померанца,
И зелени душистый изумруд?* [3: 254]

Эпиграф к этому стихотворению также представлен в форме вопроса: «*Kennst du das Land, wo blüht Oranienbaum?*» и отсылает нас к Гёте (в «Ученических годах Вильгельма Мейстера» мы находим строку «*Kennst du das Land, wo die Zitronen blühen*»). До Вяземского к этому стихотворению Гёте обращался А. С. Пушкин («Кто знает край, где небо блещет...» (1828)), а после – Ф. И. Тютчев («Ты знаешь край, где мирт и лавр растет...» (Из Гёте) (1851)), М. Л. Михайлов (Песня Миньоны (1855-1862)) и Л. А. Мей (Песня Миньоны (1849))¹, причем если стихотворения Пушкина и Вяземского являются самостоятельными произведениями, то Тютчев, Мей и Михалков переводили немецкий текст Гёте. Вяземский при этом заменяет в вопросе-эпиграфе *Zitronen* (лимонные деревья) на *Oranienbaum* (померанцевое дерево). Подобная замена объясняется тем, что Ораниенбаум – это место, где расположена резиденция Елены Павловны – жены великого князя Михаила Павловича. Таким образом, благодаря поставленному в эпиграфе стихотворения вопросу, можно утверждать, что у описываемого в стихотворении края есть прототип.

¹ Данные получены в результате работы с корпусом поэтических текстов национального корпуса русского языка (ruscorpota.ru)

ЛИТЕРАТУРА

1. Баратынский Е.А. «На что вы, дни! Юдольный мир явления...» // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений: В 2 т. – Л.: Сов. писатель, 1936. – Т.1.
2. Беднарская Л.Д. Синтаксис А.С. Пушкина «Евгений Онегин». Орёл: ОГУ, 2008.
3. Вяземский П.А. Стихотворения. Ленинград: Советский писатель, 1986.
4. Лебедев А.А. Антитеза в поэтическом творчестве П.А. Вяземского. Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова, № 4, 2014.
5. Мухина А.С. Речевое поведение лирических героинь А.Ахматовой и М.Цветаевой. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2014.
6. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. Москва: Наука, 1980.
7. Сорокин В.Б. Элегическое вопрошание поэтов XVIII века / Русская речь. 2010. № 2.
8. Хаззагеров Г.Г. Риторический словарь. М.: Флинта, Наука, 2009.
9. Хазбулатова Т.А. Вопросительные конструкции как разновидность диалогических форм речи в поэзии Бориса Пастернака и Осипа Мандельштама. Специальность 10.02.01 — русский язык. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Москва — 2012.

INTERROGATIVE SENTENCES IN THE P. A. VYAZEMSKY'S POEMS

A. A. LEBEDEV

Petrozavodsk State University

Interrogative sentences found in the poetic syntax of P. A. Vyazemsky are analysed, their functions and role in the text are determined in the research. The most common types of interrogative constructions and secondary functions of interrogative sentences are investigated. The role of questions into formation of the poetic structure is analysed.

Key words: *interrogative sentence, interrogative construction. poetic syntax, rhetorical question, expressive syntax*

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ИЗ ИСТОРИИ ВОСПРИЯТИЯ ТВОРЧЕСТВА М.Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА В АРМЯНСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

(К 125-летию со дня смерти М.Е.Салтыкова-Щедрина)

А.С. АТАНЕСЯН
ЕГУ

В статье представлены факты обращения армянской критической мысли к творчеству великого русского сатирика М.Е.Салтыкова-Щедрина, прослежены тенденции в освоении его наследия в армянской действительности, проанализированы наиболее значительные статьи о нем в армянской периодической печати.

Ключевые слова: сатира, армянская периодическая печать, армянская критика о Щедрина, трактовка творчества.

Творчество М.Е. Салтыкова-Щедрина – одно из самых ярких и интересных явлений в истории мировой литературы. Уже современниками гениального писателя ему была дана высочайшая оценка. В 1876 году известный русский критик А.М. Скабичевский писал: “Знаете ли вы, приходило ли вам в голову подумать, что такое г.Щедрин. Ведь это один из тех народных и вместе с тем общечеловеческих сатириков вроде Рабле, Мольера, Свифта, Грибоедова и Гоголя, смех которых раздается громовыми раскатами под сводами веков” [7: 680].

М.Е. Салтыков-Щедрин принадлежит к числу тех классиков русской литературы, чье творчество еще при их жизни переросло национальные рамки и стало достоянием многих народов, в том числе и армянского, в лице которого произведения великого сатирика всегда встречали благодарного и заинтересованного читателя.

На армянском языке слово Щедрина прозвучало уже при жизни писателя. В 1884 году в тифлисском журнале “Горц” публикуется сказка “Самоотверженный заяц” в переводе А.Ширванзаде, а сказка “Христова ночь” в переводе Ал. Цатуряна – в том же году в Москве в журнале “Андес гракан ев патмакан”. Как видим, первыми переводчиками произведений Салтыкова-Щедрина на армянский язык были вдохновленные прогрессивными идеями своего времени знаменитые армянские писатели.

Обратимся к некоторым фактам из истории восприятия творчества М.Е. Салтыкова-Щедрина в армянской действительности.

Огромная заслуга в популяризации русской литературы в армянской среде принадлежит армянской периодической печати. Особое внимание Щедрина уделялось на страницах армянской прогрессивной литературно-общественной газеты “Мшак”, издававшейся в Тифлисе в 1872-1920 годах. Основатель

и первый редактор газеты, видный публицист и общественный деятель Григор Арцруни был горячим поклонником русской литературы, широко пропагандировал ее на страницах своей газеты, много раз обращаясь к творчеству Пушкина, Гоголя, Тургенева, Некрасова, Достоевского и других.

Более всего соответствовало литературно-общественному идеалу Арцруни творчество Щедрина. Арцруни регулярно оповещал своих читателей о выходе в свет новых произведений писателя, неоднократно давая высокие оценки как собственно произведениям, так и общественной позиции самого писателя.

Именно перу Арцруни принадлежит первая большая критико-биографическая статья о Щедрина на армянском языке. Этой статьей под названием “Смерть великого русского писателя” Г.Арцруни откликнулся в 1889 году на кончину великого сатирика, и дал в ней высочайшую оценку творчеству писателя. “Тридцать лет подряд Щедрин своим острым, метким пером постоянно пробуждал русскую общественную мысль от ее обычной дремоты, отзывался на все текущие общественные вопросы, поднимая свой освежающий, отрезвляющий, мощный голос в потоке всеобщей реакции”, - писал критик [6].

Четко формулируя основную идейную направленность щедринского творчества, Арцруни представляет обобщенные выводы, определяя место и значение Щедрина в русской литературе и утверждая, что русская сатирическая литературная форма до Щедрина никогда не достигала того высшего распространения, никогда столь глубоким образом не проникала, не входила во все слои общества, как это могла делать на протяжении 30 лет обличающая, беспощадно бичующая сатира Щедрина.

В 1939 году В.Терзибашьян в статье “Армянская пресса о Щедрина” следующим образом охарактеризовал статью Г.Арцруни: “Подобная высокая оценка творчества Салтыкова-Щедрина в печати его времени была редкостью” [2].

По существу, статья-отклик на смерть писателя, носившая характер некролога, конечно, не могла содержать подробного анализа произведений писателя, но критик удивительно точно уловил дух щедринского творчества, в нескольких фразах объективно и глубоко определил его суть и основную направленность.

Всем этим вкупе с яркой эмоциональностью, живым свободным языком изложения, непосредственностью, стилистической и композиционной целостностью, глубокой содержательностью, в которых ярко проявились талант и индивидуальность замечательного армянского критика, обусловлено то, что, являясь первой в своем роде, статья Г.Арцруни, на наш взгляд, и по сей день остается одной из лучших в армянской критической литературе о великом русском сатирике.

О популярности произведений Щедрина среди армянской молодежи свидетельствует и журнал “Ахпюр”: “Острые, сатирические и художественные произведения Щедрина имеют большое значение не только для русского

народа, но и для нашей молодежи, которая с удовольствием читает его книги” [1: 76].

О возрастающей популярности творчества сатирика в армянской среде свидетельствуют и те факты, что начиная с 1891 года тифлиссские издательские товарищества приступают к выпуску в свет армянских переводов его произведений. Эти публикации не только рецензируются в армянской прессе, но и порой вызывают полемику. Так, на публикацию “Сельской учительницы” Г.Арцруни откликнулся еще в 1887 году, когда повесть была опубликована в журнале “Вестник Европы”. Однако критик А.Арасханян в журнале “Мурч” отозвался на публикацию этой повести на армянском языке (она вышла в свет в 1891 году в Тифлисе) резко отрицательной рецензией. Подробно излагая содержание повести, критик приходит к выводу о “вредности” книги для армянского читателя: “Эта книжка – непростительная клевета на тысячи тех сельских учительниц, которые годами учительствуют в деревнях, не ограничиваясь классными занятиями, борются с невежеством народа, стремясь нравственно воздействовать на население деревни. Ради Бога, описывайте действительное положение вещей, реальные преграды, но не клеветайте.

И переводчик считает, что девушка с чувством собственного достоинства, поверив вышеописанным ужасам, захочет стать сельской учительницей! В ряду изданий, назначенных для нашего народного чтения, эта книжка нецелесообразна и нежелательна”[5: 785].

Один из номеров иллюстрированного еженедельника “Тараз” от 9 мая 1899 года, отмечая 10-летие со дня смерти великого писателя, помещает на обложке портрет Щедрина, а рядом статью известного армянского писателя Вртанеса Папазяна, в которой дается следующая оценка творчества сатирика: “Щедрин не был писателем общедоступным, его произведения не заставляли трепетать сердца читателей от радости или горя за судьбы героев. Нет, Щедрин был подобен хирургу, который резал, ампутировал, удалял гной, отсекал омертвевшую ткань” [9: 373].

В этом же номере журнала помещена сказка “Как один мужик двух генералов прокормил” в переводе Вртанеса Папазяна.

В последующие годы в армянской критике делаются первые шаги в направлении марксистского анализа русской литературы. У истоков традиции марксистского восприятия творчества Салтыкова-Щедрина в армянской критике стоял известный армянский революционный деятель Степан Шаумян.

На 25-летие со дня смерти русского классика Ст.Шаумян откликнулся статьей “М.Е.Салтыков”, которую опубликовал в 3 номере большевистской еженедельной газеты “Наша жизнь”, издававшейся в Баку в апреле 1914 года.

Ст.Шаумян рассматривает творчество Салтыкова-Щедрина прежде всего с точки зрения социалистической идеи, для него очевидна марксистская сторона творчества Щедрина. Проявляется она, как считает критик, не в описании будущего общества, а в разоблачении современного писателю общест-

венного устройства.

Мы привели далеко не все факты обращения к личности и творчеству великого сатирика в армянской дореволюционной печати, но и они позволяют сделать вывод о том, что уже в 80-х годах 19-го века армянский читатель имел возможность приобщиться к творчеству русского сатирика и составить о нем представление.

После установления советской власти в Армении имя сатирика продолжает появляться на страницах советской армянской периодической печати. От юбилея к юбилею освещались в прессе биография писателя и его творческий путь.

В статьях, публикуемых в армянской прессе в 20-х – начале 50-х годов, армянские критики в основном концентрировали свое внимание на современном значении творчества сатирика, его актуальности в условиях нового времени. Авторы увлекались возможностью приложения образов Салтыкова-Щедрина к врагам империалистического лагеря, поскольку в советском обществе, по их мнению, все явления, достойные сатирического осмеяния Щедрина, были изжиты и искоренены вместе с самодержавным строем. Так, к примеру, армянская литературная газета “Гракан терт” в 1949 году писала: “Прошло 60 лет со дня смерти великого русского писателя, однако щедринские произведения и сегодня не потеряли своей силы и значения, своим острием они направлены против международной реакции, против новых Угрюм-Бурчеевых и Иудушек, которые сегодня выступают в образах Даллесов и Бевинеров, Шумахеров и Сараготов, Блюмидов и других”(3). Значительные, глубокие образы писателя, разоблачающие несправедливые социальные отношения, высмеивающие общечеловеческие пороки, заключающие в себе широкие нравственные проблемы, обеднялись и суживались, применяясь в целях советской идеологической пропаганды.

Как сказал Б.Пастернак, второй смертью Маяковского стало то, что при Сталине его начали “вводить принудительно, как картофель при Екатерине” [8: 274]. В какой-то мере это можно отнести и к творчеству Щедрина. Тот факт, что он был любимейшим писателем вождей мирового социализма, ставился во главу угла почти всех статей о нем, являлся той фундаментальной позицией, с которой рассматривалось все творчество писателя.

Политическая сила и художественная ценность литературно-публицистического наследия великого сатирика объяснялась ссылками Ленина на его произведения – таких ссылок в ленинских сочинениях целых 400 (как известно, В.И. Ленин из всех русских писателей больше всего цитировал Салтыкова-Щедрина).

Вместе с тем на страницах армянской периодической печати в то время уже делались попытки ознакомить читателя и с более глубокой и объективной трактовкой щедринского наследия, определить его место в системе мировой литературы.

Уже в 1939 году известный армянский писатель Дереник Демирчян, которого позднее Гурген Овнан назвал “нашим своеобразным Щедриным”, в

своей статье отметил огромное значение творчества сатирика: “Щедрин был самым светлым умом своего времени, самым смелым критиком жестокой русской действительности и борцом против этой действительности. Щедрин – эпохальный писатель. Его реализм выходил за рамки своего времени. Это был предвидящий, пророческий реализм. Щедрин не ограничивался злободневными проблемами текущего дня. Он писал о вечном зле, и создал такие человеческие характеры, которые вошли в галерею бессмертных образов, созданных величайшими сатириками мира – Сервантесом, Свифтом, Гоголем и другими” [4].

Среди почти 50-ти статей о Щедрина, опубликованных с 1926 по 1977 годы на страницах армянской прессы и поражающих удивительным однообразием в методологии анализа щедринского творчества и изображения личности писателя, нам хотелось бы выделить статью К.Манандяна “Жизнь не останавливается и не иссякает...”, написанную в 1966 году к 140-летию со дня рождения писателя. В отличие от авторов большинства статей, критик далек от изображения Салтыкова как грозного, непоколебимого, убежденного борца-революционера. Статья близка дореволюционным армянским критическим статьям о сатире с их более непосредственным стилем изложения.

В статьях более позднего периода (например, 1976 года, когда отмечался 150-летний юбилей писателя) эта тенденция к более обстоятельному, всестороннему, глубокому и объективному представлению творчества сатирика широкому армянскому читателю сохраняется и углубляется. Критики обращаются к литературным истокам Щедрина, его творчество сопоставляется с творчеством Гоголя, больше внимания уделяется языку писателя, своеобразию его творческого метода, журналистской деятельности. Таковы статьи известных литературоведов Е.Алексанян, Н.Гончар-Ханджян, Л.Мкртчяна и других.

В связи с известными событиями в Армении в последнее десятилетие XX века обращения армянских литературоведов и критиков к проблемам русской литературы становятся крайне редкими. Со страниц периодической печати исчезают даже так называемые “юбилейные” статьи, посвященные выдающимся русским писателям. В этом отношении не стал исключением и Салтыков-Щедрин. Однако все вышеизложенное позволяет сделать выводы о том, что далеко не исчерпан тот интерес к творчеству и личности великого сатирика, который начиная еще с 80-х годов XIX века неизменно существовал как в армянских читательских кругах, так и среди армянских литературоведов и критиков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахпюр, Тифлис, 1889, № 5-6 (на арм.яз.).
2. Гракан терт, 1939, 25 мая (на арм.яз.).
3. Гракан терт, 1949, 10 мая (на арм.яз.).
4. Гракан терт, 1939, 25 мая (на арм.яз.).
5. Мурч, 1891, № 6 (на арм.яз.).
6. Мшак, Тифлис, 1889, № 49 (на арм.яз.).
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Собр.соч.: В 20 т. М.: Худ.лит, 1965-1977. Т. 13
8. Русские писатели – лауреаты нобелевской премии. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 1991.
9. Тараз, 1899, № 16 (на арм.яз.).

FROM THE HISTORY OF PERCEPTION OF M. SALTIKOV- SCHEDRIN'S CREATION IN THE ARMENIAN REALITY

A.S. Atanesyan

Yerevan State University

The article presents facts of treatment of the Armenian critical thought to the creation of the great Russian satirist M.Saltikov-Schedrin. Tendencies in the development of the satirist's heritage among Armenians are traced, the most significant articles on these theme in the Armenian press are analyzed.

Key words: satire, Armenian periodicals, Armenian critics about Schedrin, interpretation of the creation.

ՀԱՅ ԻՐԱԿԱՆՈՒԹՅԱՆ ՄԵՋ Մ.Ե. ՍԱԼՏԻԿՈՎ-ՇԷԴՐԻՆԻ ՍՏԵՂԾԱԳՈՐԾՈՒԹՅԱՆ
ԸՆԿԱԼՄԱՆ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԻՑ
Ա.Ս. Աթանեսյան
ԵՊՀ

Հոդվածում ներկայացված է հայ քննադատական մտքի անդրադարձը մեծ երգիծաբանի ստեղծագործությանը: Ուսումնասիրված են հայ իրականության մեջ նրա գրական գործերին տրված տարբեր գնահատականները, հայ մամուլի նրան նվիրված առավել կարևոր հոդվածները:

Բանալի բառեր՝ սատիրա, հայ պարբերական մամուլ, հայ քննադատությունը Շչեդրինի մասին, ստեղծագործության մեկնաբանում:

ПРОБЛЕМЫ ЖАНРОВОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ ПЕЧАТНЫХ СМИ: «ПРОСТЫЕ» И «СЛОЖНЫЕ» ЖАНРЫ

Статья написана при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект 14-06-31067 мол_а «Жанровая констелляция как принцип организации текстов массово-информационного дискурса»

М.М. БИЧАРОВА

Астраханский государственный университет

В статье анализируются традиционные принципы и критерии жанровой дифференциации современного массово-информационного дискурса. Автор делает вывод о том, что существующие жанрообразующие факторы сегодня уже не всегда позволяют отличать один жанр от другого. Это создает в научных кругах множество споров относительно статуса вновь появляющихся жанровых образований и их иерархии. Для решения обозначенной проблемы необходимо выстроить принципиально новую концепцию развития современного массово-информационного дискурса, позволяющую выявить новые принципы жанровой дифференциации и типологизации текстов СМИ.

Ключевые слова: текст, жанр, массово-информационный дискурс, жанровая дифференциация, типологическая классификация жанров, «простой» жанр, «сложный» жанр.

Интенсивное изучение текстов массово-информационного дискурса ведется несколько десятилетий. Различные стороны этого сложного лингвистического объекта освещены в работах российских (М.М. Бахтина, В.Г. Костомарова, В.В. Ворошилова, Н.В. Вакуровой, С.М. Гуревича, Б.А. Зильберта, М.Р. Желтухиной, В.И. Конькова, И.П. Лысаковой, Л.М. Майдановой, Г.Я. Солганика, А.А. Тертычного и др.) и зарубежных (A. Bell, E. W. Brody, Josef R. Dominic, G. Dyer, H.P. Grice, D. Ogilvy, Peter B. Orlic, L.V.Strong, S. Le Roy Wilson) ученых. Несмотря на существование значительного количества работ, в которых затрагиваются различные проблемы текста массовой информации, многие аспекты этого явления остаются еще не исследованными и требуют дальнейшей разработки. К числу таких вопросов относится и проблема характеристики жанровой палитры массово-информационного дискурса. Набор жанров печатных средств массовой информации, как и само понятие «жанр», непрерывно изменяется и усложняется. Появление новых коммуникативных ситуаций, являющихся следствием развития общества, обуславливает рождение новых жанров и отмирание старых, обновляя, таким образом, всю жанровую систему. В связи с этим, по нашему мнению, к наиболее актуальным и интересным относятся следующие вопросы.

1. Характеристика явления «простого» жанра, имеющего устойчивые конститутивные признаки и специфические лингвистические, стилистические, структурные и прагматические особенности, позволяющие отличить его от других жанров и текстовых образований.

2. Разработка определяющих принципов дифференциации жанров массово-информационного дискурса, позволяющих проводить целостный анализ текста с целью выявления его жанровой принадлежности.

3. Построение типологической модели системы жанров массово-информационного дискурса на основе ключевых параметров их дифференциации.

4. Выявление и описание сложных текстовых образований, характеризующихся сочетанием характерных признаков двух и более жанров, имеющих разноплановую стилистическую и прагматическую направленность.

Вся совокупность информационного материала, отображаемого в дискурсе СМИ, распределяется на жанры на основе целого ряда принципов деления. Каждое конкретное произведение, входящее в состав системы массово-информационного дискурса имеет набор определенных характеристик. Возникновение таких характеристик может быть либо относительно произвольным, либо в результате специальных творческих усилий автора. Но в любом случае те тексты, которые обладают схожими качествами, можно объединить в отдельные жанрообразующие группы. Основным критерием подобного объединения должны стать существенные признаки публикаций, включаемых в какую-либо устойчивую группу. После того как определен объединяющий признак (или признаки), его называют «жанровым признаком», а группу объединенных им публикаций – «жанром» [6].

Под жанрами массово-информационного дискурса по убеждению многих исследователей, включая классиков, понимается совокупность организации того или иного информационного материала, отражающая явления реальной действительности и обладающая следующими устойчивыми особенностями: тематическими, композиционными, стилистическими [1: 255], когнитивными, коммуникативными, коммуникативно-функциональными [4: 134].

Традиционно, каждый жанр можно охарактеризовать как минимум по четырем признакам: 1) функциональной направленности, 2) степенью обобщенности повествования (глубиной анализа в интерпретации фактов и связей данного события с другими), 3) оценки события, или эмоционально-аксиологической направленности, 4) характера использования тех или иных изобразительно-выразительных средств в различной степени и соотношении [2].

Однако, набор жанров печатных средств массовой информации, как и само понятие «жанр», непрерывно изменяется и усложняется. Появление новых коммуникативных ситуаций, являющихся следствием развития общества, обуславливает рождение новых жанров и отмирание старых, обновляя, таким образом, всю жанровую систему.

Наличие упомянутых признаков, называемых жанрообразующими факторами, сегодня уже не всегда позволяет отличать один жанр от другого. Более того, в зависимости от того, какой метод репрезентации использован, журналист, имея одинаковые предмет, цель и метод отображения и используя одни и те же источники информации, может выступать с публикациями о конкретном событии, явлении не только в различных жанрах, но и используя

смешанные или гибридные жанры, иногда даже не подозревая об этом. Таким образом, мы все реже встречаем «простые» жанры, имеющие устойчивые конститутивные признаки и специфические лингвистические, стилистические, структурные и прагматические особенности, позволяющие отличить его от других жанров и текстовых образований, и все чаще имеем дело с новыми формами организации текстового пространства. Исследователи по-разному предлагают характеризовать эти явления, вводя такие понятия как гипержанр, жанроид, полижанровая организация текста и т.д. [3, 5] с одной стороны, и одновременно сталкиваясь с новыми трудностями, например, проблемами систематизации этих понятий, их характеристики и поисками их устойчивых конститутивных признаков, с другой [7: 40].

Так в исследованиях В.В. Дементьева и К.Ф. Седова мы встречаемся с понятием «гипержанр» или «гипержанровое событие», под которыми они понимают макрообразования, речевые формы, сопровождающие социально-коммуникативные ситуации и объединяющие в своем составе несколько жанров [3: 13].

Гипержанр, в отличие от простых и сложных, комплексных речевых жанров, отражает не просто «сложное» реальное событие, но такое, которое членимо на различные компоненты или эпизоды, часто выстраиваемые в определенном порядке, по определенному сценарию. Ряд таких эпизодов разыгрываемого гипержанрового сценария сопровождается вербальными действиями, другие – только реальными. Таким образом, важным признаком гипержанра и гипержанрового сценария является то, что они отражает комплексное, многокомпонентное, но единое и цельное событие действительности [8: 134].

В системе речевых жанров К.Ф. Седова мы встречаем также термин «жанроид». Автор определяет его как жанровый гибрид, располагающийся в пространстве между жанрами и имеющий признаки сразу двух жанров: «...текучесть, незавершенность норм внутрижанрового поведения позволяет выделить в рамках предлагаемой типологии переходные формы, которые осознаются говорящими как нормативные, но располагаются в межжанровом пространстве» [3: 19]. Н.Б. Лебедева, Е.А. Корюкина в своем исследовании понимают жанроид как жанровое образование, некоторыми признаками совпадающее с каким-нибудь литературным каноном, другими же признаками – с другим каноном или же вообще не имеющее признаков литературного жанра [5: 14].

В.И. Тюпа, критикуя такую сложную иерархическую систему, говорит о том, что такие «искусственные понятия» являются следствием двоякости категории дискурса: «данный термин равно применим и к единичному «акту высказывания», и к дисциплинарному «полно стабилизаций» таких актов. Это порой приводит к существенным недоразумениям, особенно, если дискурс не отграничивается от речевого жанра, вынуждая вводить целый ряд избыточных искусственных понятий: «субжанр», «гипержанр», «комплекс-

ный жанр», «жанроид». Следствием неразличения занимающих нас категорий выступает утверждение о том, будто «жанровое пространство общения имеет полевую структуру», что справедливо по отношению к дискурсу, тогда как жанр характеризуется инвариантной структурой общения» [7: 40]

Автор предлагает размежевать два значения слова «дискурс» и соотнести их с понятием жанра.

«Дискурс I – это единичное (монотекстовое) коммуникативное событие, обладающее инвариантной жанровой структурой текстопорождения.

Дискурс II – это интертекстуальное коммуникативное пространство, как правило, разножанровое, полевая структура, ограниченная регулятивными границами социокультурных практик» [7: 40-41].

Соотнося эти дефиниции с классическим пониманием жанра М.М. Бахтина: «В каждой сфере деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы [1: 454]», – В.И. Тюпа выражает свою уверенность в том, что то, что К.Ф. Седов называет «комплексным речевым жанром», а именно «повседневное межличностное общение» или «разговор», отнюдь не является таковым а представляет собой социальную институцию неофициального характера, то есть является разговорным дискурсом с неформальными, но достаточно очевидными для коммуникантов регулятивными рамками адекватного общения [7: 41].

Любой жанр является элементом системы и, будучи зависимым от ее функционирования, при этом обладает относительной самостоятельностью. Развитие системы жанров происходит в процессе вычленения новых жанров или обретения старыми дополнительных признаков, а также при их взаимопроникновении и взаимообогащении.

Двуединство этого процесса проявляется также в том, что, с одной стороны, каждый вновь появившийся жанр может оказывать значительное воздействие на систему существующих жанров, демонстрируя свои собственные возможности и укрепляя границы, а с другой, новый жанр не становится причиной отмирания старых, уже ранее существовавших, а только расширяет их круг.

Это создает в научных кругах множество споров относительно статуса вновь появляющихся жанровых образований и их иерархии, что с одной стороны, добавляет новые вопросы в и без того сложный процесс изучения жанра и дискурса, а с другой, в определенном смысле переворачивают традиционные представления о жанрах, вводя в научный обиход использование разных терминов для одних и тех же явлений.

Решение проблемы состоит в развитии идеи о том, что система любого дискурса, как и любая другая система, представляет собой множество элементов, в нашем случае – жанров, которые друг с другом взаимосвязаны и находятся в определенных отношениях, образуя некую коммуникативную целостность. Об иерархичности структуры дискурса ученые говорят уже

давно, по сути, давая описание схемы отношений жанров по принципу подчинения и соподчинения. Назовем эту схему «вертикальной».

Однако на наш взгляд жанры (или другие элементы системы) также взаимодействуют друг с другом как равноправные элементы каждый на своем уровне, отведенном ему в вертикальной иерархии. Это взаимодействие вполне можно обнаружить в массово-информационном дискурсе, когда два простых жанра, переплетаясь в едином текстовом пространстве, образуют не нечто более сложное, как например, жанроид или гипержанр, с их комплексными характеристиками и особенностями, а, сохраняя структуру и жанровые конститутивные признаки каждого из жанров, изменяют либо усиливают прагматическую составляющую текста. Такое «горизонтальное» взаимодействие жанров, с одной стороны, не позволяет говорить о каких-то новых образованиях вроде гибридного жанра, а с другой, не оставляет возможности отнести текст к конкретному жанру, с его устойчивыми конститутивными признаками.

Таким образом, необходимо выстроить принципиально новую концепцию развития современного массово-информационного дискурса, позволяющую решить проблему жанровой дифференциации и типологизации текстов СМИ. Следует решить новую задачу характеристики жанров масс-медиа не как системы соподчиненных элементов, а как системы взаимодействующих элементов, находящихся в непрерывном процессе трансформации. Это позволит открыть новые направления жанрово-дискурсивных исследований, в частности возможность выявления и характеристики новых зависимостей в жанровых процессах.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бахтин М.М.* Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. – М. – 1975. – 504 с.
2. *Вакурова Н.В.* Типология жанров современной экранной продукции. / Под ред. проф. Р.А. Борецкого. Ин-т современного искусства. Мастерская телевизионной журналистики. / Н.В. Вакурова, Л.И. Московкин. – М., 1997. – Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text3/08.htm>
3. *Дементьев В.В.* Социопрагматический аспект теории речевых жанров / В. В. Дементьев, К. Ф. Седов. – Саратов. – 1998. – 107 с.
4. *Желтухина М.Р.* Тропологическая суггестивность масс-медиального дискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ: Монография. / М.Р. Желтухина. – М.: Ин-т языкознания РАН; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. – 656с.
5. *Лебедева Н.Б.* Наивный автор как письменно-речевая личность: жанроведческий аспект / Н. Б. Лебедева, Е. А. Корюкина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2013. – № 3 (23) – С. 11-23.
6. *Тертычный А.А.* Жанры периодической печати: Учебное пособие. / А.А. Тертычный. – М.: Аспект Пресс, 2000. – Режим доступа: <http://www.evarist.narod.ru/text2/01/htm>
7. *Тюпа В.И.* Жанр и дискурс / В.И. Тюпа // Критика и семиотика. – Вып. 15. – 2011. – С. 31-42.
8. *Шарифуллин Б.Я.* Гипержанры и гипержанровые сценарии в вербальной и невербальной коммуникации / Б. Я. Шафиуллин // Гуманитарные и социальные науки. – 2012. – № 6. – С. 132-144.

THE PROBLEMS OF GENRE DIFFERENTIATION OF PRINTED MASS-MEDIA: “SIMPLE” AND “COMPLEX” GENRES

MARIYA M. BICHAROVA

Astrakhan State University

Traditional principles and criteria of genre differentiation in modern mass-media discourse are analyzed in the article. The author makes a conclusion that the existing genre making factors do not always allow to make difference between two genres. This causes many disputes about the status of new genres and their hierarchy. To solve this problem, we should build fundamentally new conception of mass media discourse evolution which would let reveal new principles genre differentiation and making typology of mass-media texts.

Key words: *text, genre, mass-media discourse, genre differentiation, typological classification of genres, simple” genre, “complex” genre.*

ՏՊԱԳԻՐ ՄԱՍՈՒԼԻ ԺԱՆՐԵՐԻ ՏԱՐԲԵՐԱԿՄԱՆ ԽՆԴԻՐՆԵՐԸ՝

«ՊԱՐԶ» ԵՒ «ԲԱՐԴ» ԺԱՆՐԵՐԸ

Մ.Մ. ԲԻՉԱՐՈՎԱ

Աստրախանի պետական համալսարան

Հոդվածը վերլուծում է տարբերական ժամանակակից զանգվածային տեղեկատվության դիսկուրսի ավանդական ժանրի սկզբունքները և չափանիշները: Հեղինակը եզրակացնում է, որ այսօր առկա ժանրային գործոնների կազմավորը միշտ չէ, որ հնարավորություն է տալիս ժանրի տարբերակումը: Գիտական միջավայրում դա բերում է բանավեճերի զարգացող ժանրի ձևավորման և դրանց կարգավիճակի մասին: Լուծել բացահայտված խնդիրը, որ անհրաժեշտ է կառուցել միանգամայն նոր զարգացման ժամանակակից հայեցակարգով, զանգվածային տեղեկատվության դիսկուրսի բացահայտմամբ, տեքստային լրատվամիջոցների նոր ժանրային տարբերական սկզբունքներով ու տիպաբանությամբ: **Բանալի բառեր՝** *տեքստ, ժանր, զանգվածային տեղեկատվական դիսկուրս, ժանրային տարբերակում, ժանրերի տիպաբանական դասակարգում, «պարզ» ժանր, «բարդ» ժանր:*

КОСТЮМ КАК АСПЕКТ ЛИТЕРАТУРНОГО ПОРТРЕТА ГЕРОЕВ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

Т. Е. ЛОНЧИНСКАЯ

Высшая школа народных искусств (институт), Санкт-Петербург

В статье рассматривается описание М.Е. Салтыковым-Щедриным костюма, являющегося важным выразительным средством, раскрывающим внутренний мир героев его произведений и их социальное происхождение. Литературные портреты, описанный особым языком одежд, определяет позицию писателя и дает правдивое изображение повседневной и праздничной жизни сословий России XIX века.

Ключевые слова: *костюм, литературный портрет, описание социальных типов, раскрытие образа, средство выражения.*

В творчестве М. Е. Салтыкова-Щедрина поражает умение тонко использовать возможности особого языка литературных одежд способного рассказать о характере героев. Пронзительность и тонкость сатирического описания социальных типов, богатство образов и оригинальная трактовка мотивов в литературном наследии сатирика не перестают привлекать к себе внимание. Используемые Салтыковым-Щедриным слова, обороты и намеки на происходящие события XIX века и описание костюмов были более понятны современникам писателя, а для теперешних читателей требуют комментариев и пояснений.

Широта обозрения социальных типов с выразительной обрисовкой образно решенных костюмов в сатире Салтыкова способствует раскрытию внутреннего мира героев, их индивидуальных достоинств и недостатков.

«В этом вагоне сидела губерния, сидело все то, от чего я бежал, от лицемерия чего стремился отдохнуть. Тут были: и Петр Иванович, и Третий Семеныч, и сам представитель «высшего в империи сословия», Александр Прокофьевич (он же «Прокоп Ляпунов») с супругой, на лице которой читается только одна мысль: «Alexandre! у тебя опять галстук набок съехал!» Это была ужаснейшая для меня минута. Все они были налицо с своими жирными затылками, с своими клинообразными кадыками, в фуражках с красными околышами и с кокардой над козырьком. Все притворялись, что у них есть нечто в кармане, и ни один даже не пытался притвориться, что у него есть нечто в голове. По-видимому, это последнее обстоятельство для них самих составляло дело решенное, потому что смотреть на мир такими ослепленными глазами, какими смотрели они, могут только люди или совершенно эмансипированные от давления мысли, или люди совсем наглые. А так как моих спутников нельзя же назвать вполне наглыми людьми, то очевидно, что они принадлежат к числу вполне свободных. На меня эти красные околыши произвели какое-то болезненное впечатление. Мне показалось, что я опять в нашем рязанско-курско-тамбовско-воронежско-саратовском клубе, окружен-

ный сеятелями, деятелями и всех сортов шлющимися и не помнящими родства людьми» [6, 15-16]. Отметим, что Салтыков употреблял выражение «красные околыши» для обозначения дворян. Русскому дворянству в 1832 году была присвоена униформа Министерства внутренних дел. Читая художественную прозу М. Е. Салтыкова-Щедрина, о социальном статусе литературных героев, мы можем судить по описанию комплекса предметов одежды.

В «общественном романе» «Дневник провинциала в Петер-бурге» Салтыков указывал, что при учреждении де сиянс академии в 7 параграфе «Об орудиях власти президента» вторым пунктом прав для членов обозначено: «По требованию президента являются к нему в мундирах во всякое время дня и ночи» [6, 98].

«Кирсанов был одет в чистенький вицмундир; из-под жилета виднелась ослепительной белизны рубашка; галстух на шее был аккуратно повязан; под мышкой он крепко стискивал щегольской портфель. За ним плелся Берсеньев и тоже держал под мышкой довольно поношенный портфель, который, вдобавок, постоянно у него выползал. Как ни неожиданна была для меня эта встреча, но, взглянув на Кирсанова поближе, я без труда понял, что при скромности и аккуратности этого молодого человека, ему самое место – в статистике. Несколько более смутило меня появление Берсенева. Это человек мечтательный и рыхлый, дума-лось мне, – у которого только одно в мысли: идти по стопам Грановского. Но идти не самому, а чтоб извозчик вез. Вот и теперь на нем и рубашка криво сидит, и портфель из-под мышки ползет... ну, где ему усидеть в статистике!» [6, 23].

Следует отметить, что в 1856-1881 гг. повседневный форменный одеждой гражданских чиновников являлся вицмундирный фрак, жилет и рубашка, покрой и цвет которых были установлены в законодательном порядке. «Вицмундирный фрак суконный, с отложным воротником. Пуговицы на груди в два ряда, по шести пуговиц в каждом, по одной сзади над фалдами и по одной внизу фалд, по три под карманными клапанами с каждой стороны. Обшлага на рукавах фраков разрезанные суконные (кроме почтового ведомства, имеющего бархатные), с двумя маленькими пуговицами в цвет и чекан больших. Жилет черный суконный или белый пикейный, однобортный, с шестью маленькими пуговицами одного цвета и чекана с большими. ... Рубашка из белого полотна со стоячим или стояче-отложным воротником» [4, 76].

Интересно, что все министерства имели вицмундиры зеленого сукна, отличием каждого министерства служили цвет бархатных воротников и металл пуговиц. Участники статистического конгресса Кирсанов и Берсеньев являлись чиновниками министерства внутренних дел, вицмундиры зеленого сукна, которых был с черным бархатным воротником и латунными пуговицами. Так же следует отметить, что банковские служащие и чиновники портфели носили под мышкой, поскольку тогда они не имели ручек.

Для более полного раскрытия образа литературного героя писатель, говоря о его эмоциональном состоянии, сопровождает описание одежды меткими замечаниями. Кирсанов «был видимо расстроен ... новенький вицмундирчик вздра-гивал на его плечах» [6, 256].

В «Пошехонской старине» Салтыков дает портрет жениха: «Входит рослый мужчина, довольно неуклюже сложенный. Он в мундире военного министерства с серебряными петлицами на высоком и туго застегнутом воротнике; посредине груди блестит ряд пуговиц из белой латуни; сзади трясутся коротенькие фалдочки» [5, 274]. Сатирик подробно останавливается на описании костюма, и вот последнее дополнение, и перед нами предстает весьма наглядный образчик иронии писателя.

Отметим, что в рассказе «Старый кот на покое» из цикла «Помпадуры и помпадурши» герой, читая свои «воспоминания о бывшем, небывшем и грядущем», указывает: «Необходимо, чтобы администратор имел наружность благородную.... Сверх сего, должен иметь мундир» [5, 44].

Значимость костюма в цитируемом отрывке, подтверждается размышлениями помпадура в рассказе «Сомневающийся». Герой для выяснения нужны ли помпадуры, переодевшись в «партикулярное платье» incognito (под видом частного лица) отправился на базарную площадь. «Прежде всего его поразило следующее обстоятельство. Как только он сбросил с себя помпадурский образ, так тотчас же все перестали оказывать ему знаки уважения. Стало быть, того особого помпадурского вещества, которым он предполагал себя пропитанным, вовсе не существовало, а если и можно было указать на что-нибудь в этом роде, то, очевидно, что это «что-нибудь» скорее принадлежало мундиру помпадура, нежели ему самому.

Второе поразившее его обстоятельство было такого рода. Шел по базару полицейский унтер-офицер (даже не квартальный), и все перед ним расступились, снимали шапки. Вскоре, вслед за унтер-офицером, прошел по тому же базару так называемый ябедник с томом законов под мышкой и никто перед ним даже пальцем не пошевелил. Стало быть и в законе нет того особого вещества, которое заставляет держать руки по швам, ибо если б это вещество было, то оно, конечно, дало бы почувствовать себя и под мышкой у ябедника.

Стало быть, вещество заключено собственно в мундире; взятые же независимо от мундира, и он, помпадур, и закон – равны» [5, 149-150].

Приведенное выше высказывание наглядно показывает авторское отношение к действительности, а средством выражения его является костюм.

«Вот и мундирчик мне тоже достался! Шитьецо-то только с виду золотенькое, а посмотреть на него – все-то оно выгорело!» [6, 283].

Примечательно, что наличие в одежде бобрового воротника говорило о достатке и высоком положении его владельца.

Квартальный Толоконников, муж «помпадурши» благодаря жене, как подчеркивает сатирик «уж и шинель с бобрами себе построил-с!» [5, 40].

«Худой и выцветший, в поношенном пальто с сильно порыжелым бобровым воротником, он первого числа каждого месяца сидит на площадке лестницы главного казначейства, и в ожидании своей очереди для получения пенсии...» [5, 164].

«У меня не было ни *собственного* мундира, ни *собственной* шинели с бобровым воротником. В казенной куртке, в холодной казенной шинельке, влачил я жалкое существование, умываясь казенным мылом и причесываясь казенною гребенкою» [6, 394]. Следовательно, наличие или отсутствие костюма давало точную характеристику социального положения человека, а качественное состояние одежды свидетельствовало о его финансовом положении.

Четкие правила предписывались в России и для ношения визитных костюмов, светское общество рьяно следило за их соблюдением.

«Вечером Прокоп заставил меня надеть фрак и белый галстук, а в десять часов мы уже были в салонах князя Оболенского-Тараканова» [6, 49].

Следует отметить, что в 1860-х г. галстук был наиболее характерным шейным украшением богатых. Способов повязывания галстуков в середине XIX века существовало такое множество, что издавались специальные руководства. Так в книге «Описание и рисунки сорока фасонов повязывать галстук» приведены следующие интересные названия галстуков: «По Бергамски», «Неглиже», «Меланхолический», «Трагический», «Гагарю», «Романический», «Художнический», «Епикурский», «Свадебный» и т. д.

«С вечерним фраком повязываются накрахмаленный белый батистовый или кисейный галстук небольшим бантом или узлом с короткими концами. На исходе 1850-х годов концы узла несколько длиннее и оттянуты в стороны, и, как пишет журнал «Арлекин», «франт 1859 года рискует выколоть глаз своей даме бесконечными концами своего батистового накрахмаленного галстука» [4, 17].

Клещевинов «...в щегольском коричневом фраке с светлыми пуговицами; на руках безукоризненно чистые перчатки *beurre frais*. (цвета свежего масла (франц.))» [8, 292].

«Адвокат самой изящной наружности. Он одет в щегольскую коротенькую визитку...» [6, 125].

В 1860-годы был моден нарядный сюртук-визитка из черного сукна. Интересно будет привести его подробное описание: «Сюртук однобортный, с гладкой спинкой и скошенными передними полами, сзади на талии две пуговицы. Рукава умеренно узкие у плеча, у локтя расширяются и вновь сужаются к кисти. Настроенные обшлага, шириной в три пальца, застегнуты на две обтянутые пуговицы. На правом борту нашиты четыре обтянутые пуговицы, но застегивается только верхняя» [4, 144].

Говоря о костюме, следует остановиться на описании его важной составной части – мужского головного убора. В «Дневнике провинциала в Петербурге» описывая Неуважай-Корыто, который «надел картуз на голову» [6, 191], писатель заостряет внимание на том, что литературный герой является гостем столицы. Изучение модных столичных тенденций того времени, позволило выяснить следующее, оказывается, «в Москве и в провинции можно

увидеть и разного рода фуражки и картузы с округленными или квадратными козырьками, какие настоящий петербуржец наденет только в дорогу или на даче» [4, 16].

Прокоп «по обыкновению своему, шагал из угла в угол, но, по временам, останавливался и меланхолически рассматривал щегольской серый казакин с бубновым тузом на спине, который сгоряча заказал для себя и в котором, теперь не предстояло никакой надобности» [6, 29]. И далее он же „вытащил из чемодана две рубашки, все носовые платки, новый сюртук (я только что сделал его у Тедески) [6, 110]”. В произведениях Салтыкова помимо, подробного описания костюма сделанного на заказ, мы находим неоднократные упоминания и о мастерах.

В рассказе «Портной Гришка» Салтыков вначале объясняет трудности с получением заказов в провинциальном городе и далее представляет мысль высказанную, устами самого героя: «Но город наш бедный, и обыватели его только починивались, редко прибегая к заказам нового платья. Один исправник неизменно заказывал каждый год новую пару, но и тут исправничиха сама покупала сукно и весь приклад, призывала Гришку и приказывала кроить при себе.

– И хотя бы она на минутку отвернулась или вышла из комнаты, – горько жаловался Гришка: – все бы я хоть на картуз себе лоскуток выгадал. А то глаз не спустит, всякий обрезок оберет» [7, 6].

«Один только раз ему посчастливилось: приехавший в город на ревизию губернатор зацепился и за гвоздь и оторвал по целому месту фалду мундира. Гришка, разумеется, так затачал, что лучше новой разорванная фалда вышла, и получил пять целковых» [7, 6].

Приступив к рассмотрению описания костюма Щедриным, мы вначале остановились на мужском портрете, но кто как не женщины заслуживают при выборе этой темы большего внимания.

«Баронесса фон-Цанарцт, высокая, стройная, роскошная, решительно привлекает все сердца; она одета в великолепное желтое платье, которое очень идет к ее смуглому и резко-выразительному лицу; около нее так и жужжит целый рой вздыхающих и пламенеющих «стригунов» [5, 11-114].

«Обзаведясь помпадуршей, Феденька предназначал ей очень блестящую роль. Он желал чтобы она блистала на балах и имела салон»... «выписал для нее на свой счет несколько дорогих нарядов от Минангуа из Москвы» [5, 190].

Салтыков не ограничивается просто описаниями бальных костюмов Анны Григорьевны, а подробно останавливается на переживаниях связанных с их подбором и представлением в обществе.

«Но как не была мало опытна, однако ж поняла, что два-три хороших наряда (Феденька не был в состоянии дать больше) в таком обществе, где проматывались тысячи и десятки тысяч, с единственной целью быть как можно более декольте – все равно, что капля в море, в угоду ему она сделала, однако ж, несколько попыток, но – боже !– сколько изобретательности нужно

ей было иметь, чтоб тут пришить новый бант, там переменить тюник – и все для того, чтоб отвести глаза публике и убедить, что она является в обществе не в «мундире», как какая-нибудь ассессорша, а всегда в новом и свежем наряде! И как бесплодны были эти усилия! Как быстро разлетались они перед проницательностью этих дам, с первого же взгляда, без ошибки угадывающих однажды виденное платье, под какими бы сложными комбинациями оно ни являлось на сцену во второй раз!» [5, 190].

Ярким образцом, иллюстрирующим костюмную жизнь, служат сюжеты приобретения нарядов для девушки на выданьи. В жизни всех российских сословий приятными и волнующими были приготовления, связанные с подготовкой приданого, покупкой тканей, лент для визитных платьев и балов, заказом костюмов у модных портных. В «Пошехонской старине» писатель подробно описывает закупку модный туалетов.

«Единственные выезды, которые допускались до визитов, – это модные магазины. В магазине Майкова, в гостином дворе, закупались материи, в магазине Сихлер заказывались платья, уборы, шляпки. Ввиду матримониальных целей, ради которых делался переезд в Москву, денег на наряды для сестры не жалели» [8, 248].

«...наряды шьет в Хамовниках у мадам Курышкиной» [8, 252].

«А какое на Верочке платье вчера прелестное было! Где вы заказываете?

– Там же, где и все. Бальные у Сихлерши, попроще – у Делавос...

А я слышала, в Хамовниках, портниха Курышкина есть...

Соловкина слегка зеленеет, но старается казаться равнодушной.

– Не знаю, не слыхала такой, – говорит она сквозь зубы.

– Не говорите, Прасковья Михайловна! и между русскими бывают... преловкие! Конечно, против француженки...

– Я у русских не заказываю.

– В Петербурге Соловьева – даже гремит.

Соловкина окончательно зеленеет сокращает визит» [8, 254].

«Не посмотрю, что ты кузнечиха (то есть обучавшаяся в модном магазине на Кузнецком мосту), в вологодскую деревню за самого что ни на есть бедного мужика замуж отдам» [8, 291].

Любопытно, что Салтыков прекрасно владеет веяниями моды и называет имена известных в то время портновских дел мастериц.

Интересно, что одевание и причесывание девушки в соответствии с наставлениями модных журналов занимали много времени.

«С шести часов матушка и сестра начинали готовиться к вечернему выезду. Утренняя беготня возобновляется с новой силой. Битых три часа сестра не отходила от зеркала, отделявая лицо, шнуруясь и примеряя платье за платьем. Беспрерывно из ее спальни в спальню матушки перебегает горничная за приказаниями.

– Барышня спрашивают, какую им ленту надеть?

– Барышня спрашивают, надевать ли локоны, или гладко причесаться?

– Барышня спрашивают, для большого или малого декольте им шею мыть?

– Шпилек, булавок несите! – раздается по коридору, – оглохли!

Когда туалет кончен, происходит получасовое оглядывание себя перед зеркалом, принятие различных поз, приседание и проч...» [8, 256].

«С Рождества в Благородном собрании начинаются балы и периодически чередуются вплоть до самого поста. Из них самым важным считается утренний бал в субботу на масленице. Для девиц-невест это нечто вроде экзамена. При дневном свете притирания сейчас же скажутся, так что девушка поневоле является украшенная теми дарами, какие даны ей то природы. Да и наряд необходимо иметь совсем свежий, а не подправленный из старенького» [8, 258].

В воскресенья и праздничные дни «матушка с сестрой выезжали к обедне, а накануне больших праздников и ко всенощной, и непременно в одну из модных московских церквей....

Матримониальные цели и тут стояли на первом плане. На сестру надевали богатый куний салоп с большой собольей пелериной, спускавшейся на плечи. Покрыт был салоп, как сейчас помню, бледно-лиловым атласом...» [8, 260].

Следует подробнее остановиться на термине и дать ему разъяснение. Салоп – верхняя просторная женская одежда на меху или на вате с пелериной и рукавами или без них, модная в первой трети XIX века. До конца XIX века салоп оставался популярным в купеческой среде. Мастер, живо рисуя костюмные образы, подчеркивал, что «...сестру одевали как куколку и приготавливали богатое приданое» [8, 265]. Наряду с костюмами для визитов Салтыков подробно описывает домашней одежды.

Например, в случае встречи гостей: «Даже матушка прифрантилась; на ней надет коричневый казимировый капот, обшитый домашними кружевами; на голову накинута тюлевая вышитая косынка. В этом наряде она и теперь хоть куда...» [8, 97].

«На голове её был белый старушечий чепчик, ...; на плечах свободно висел темненький шерстяной капот, без всякого намека на талию».

«Как и у бабушки, на голове ее был чепчик, несколько, впрочем, пофасонистее, а одета она была в такой же темный шерстяной капот без талии» [8, 169-170].

Капот – просторная одежда с рукавами и сквозной застежкой спереди. В начале XIX века капот являлся верхним платьем для улицы, позднее он становится исключительно домашней женской одеждой.

Домашний костюм девушки иной, писатель сопровождает описание подробным комментарием.

«Сестрица заранее обдумала свой туалет. Она будет одета просто, как будто никто ни о чем ее не предупредил и она *всегда дома так ходит*. Розовое тарлатановое платье с высоким лифом, перехваченное на талии пунцовой лентой, – вот и все. В Волосах вплетена нитка жемчуга, на груди – брошь с бриллиантами; лента заколота пряжкой тоже с бриллиантами. Главное, чтобы

было просто. Но недаром пословица говорит, что простота хуже воровства; сестрица отлично понимает смысл этой пословицы и беспрестанно крестится, чтобы обдуманная ею простота удалась» [8, 272].

Тарлатан – мягкая полупрозрачная хлопчатобумажная ткань редкого полотняного переплетения, считавшаяся недорогой в помещицкой и купеческой среде. Описание фасона платья соответствует модным тенденциям того времени.

В художественной стилистике наблюдается близость сатиры Салтыкова к фольклору. Ю.М. Соколов отмечал, что «пословицы не только служили дополнительным материалом художнику для характеристики того или другого персонажа, но ... давали толчки к созданию писателем фабульной ситуации» [Цит. по Бушмину А.С. – С. 57].

Особое место в художественной прозе М.Е. Салтыкова занимает костюм «маленького человека».

«Старушка с ридикюлем в руках – это непременно принадлежность главного казначейства. С костылем или без костылей, в капоре или драдедамовом платке, в старом беличьем салопе, или в ватном поношенном пальто...» [5, 164]. Кстати, в 1891 г. С.Ф. Александровским был написан портрет, на котором изображена «Просительница». Запечатленная художником пожилая женщина выглядит именно такой, какой была описана писателем. Художник внимательно прорисовал одежду в руках у старушки большой ридикюль – дамская сумка мягкой формы из ткани. Ридикюли, согласно объяснению Е. Янковой, «стали употреблять после того, как вышли из моды карманы, потому что платья стали до того узки, что для карманов и места не было» [1, 350].

Порой единственными источниками для исследования костюма некоторых групп городского населения служат жанровая живопись и литература. В «Пошехонской старине» Салтыков подробно описал образы свах, почтенно назвав их «матримониальных дел мастерицы»: одна из которых «тоненькая, обшарпанная старуха, рябая, с попорченным оспой глазом. Одета бедно: на голове повойник, на плечах старый порыжелый драдедамовый платок» [8, 267]. И далее для сравнения представлена другая сваха – Мутовкина, которая «гораздо представительнее своей предшественницы; одета в платье из настоящего терно, на голове тюлевый чепчик с желтыми шелковыми лентами, на плечах новый драдедамовый платок» [8, 268]. Интересно присутствие в описании костюма свахи драдедамового платка, встречающегося ранее и в цитируемом отрывке из «Помпадур и помпадурши». В XIX веке драдедам – шерстяная ткань полотняного переплетения с ворсом считался один из самых дешевых видов сукна. Салтыков использует этот термин, и читатели понимают многое о характере, профессии и других социальных признаках его носительницы.

Надо заметить, что в цитируемом фрагменте писатель акцентирует внимание на платье из «настоящего терно». Терно – шерстяная ткань саржевого переплетения из высококачественной пряжи. В России первой половины XIX

века модны были платки и шали парижской фирмы Терно. Материал стоил довольно дорого и служил признаком достатка [3].

Образы и картины жизни простого народа представлены во многих произведениях Салтыкова. Писатель стремился не только передать нужду народных бедствий, но и воспеть красоту и самобытность крестьянского мира. Поражает умение Салтыкова запечатлеть одежду домашней прислуги в торжественных и будничных случаях. Например, в «Пошехонской старине» крепостной живописей Павел обучавший азбуке «явился в класс приодетый: в желтом фризовом сюртуке и в белом галстуке на шее» [8, 69].

Заметим, что Салтыков называет материал, из которого сшита верхняя мужская одежда, фриз являющейся грубой шерстяной тканью со слегка вьющимся ворсом, одним из дешевых видов сукна. Цвет сюртука и галстука служат подтверждением нарядности костюма.

Примечательно описание престольного праздника Спас-преображенья. «Сенные девушки, в новых холстинковых платьях, наполняют шумом и ветром девичью и коридор; мужская прислуга, в синих суконных суртуках, с белыми платками на шеях, ждет в лакейской удара колокола; два лакея в ливреях стоят у входных дверей, выжидая появления господ...» [8, с.97].

И далее писатель приводит интересное сравнение, рассказывая, что лакей ходил «в деревне, по будням, в широком синем затрапезном сюртуке, в серых нанковых штанах и в туфлях на босу ногу. Такова была общая обмундировка мужской прислуги в нашем доме. Но по праздникам надевал синюю суконную пару и выросковые сапоги и гоголем выступал в этой одежде по комнатам, заглядывая мимоходом в зеркало и чаще, чем в будни, посещая девичью. Очевидно, в нем таилась в зародыше слабость к щегольству, но и этот зародыш, подобно всем прочим качествам, тускло мерцавшим в глубинах его существа, как-то не осуществился, так что если кто из девушек замечал: «Э! да какой ты сегодня франт!» – то он, как и всегда, оставлял замечание без ответа или же отвечал кратко: – Известно ... праздник!» [8, 351].

Салтыков отмечает яркость и традиционность праздничной крестьянской одежды. В праздничные дни, со слов автора «Пошехонской старины», крестьянин одевался в так называемое «хорошее платье», которое справлял себе в молодости и в те времена надевал чаще, а с возрастом только в большие праздники и далее «... в селе считалось достаточное число богатеев, – они-то и сообщали селу характер зажиточности и даже щегольства... большинство крестьян было бедное, существовало впроголодь, ютилось в ветхих, еле живых клетушках и всецело находилось под пятой у богатеев. Однако ж даже самая, что называется, гольтепа вытягивалась в струнку, чтобы форснуть, и пуще глаза хранила синие кафтаны для мужчин и штофные телогреи для женщин. В праздник трудно было даже отличить богатого от бедного» [8, 149-150].

«Праздники происходили в Заболотье особенно нарядно. С первым ударом большого колокола в селе начиналось движение и по площади проходили целые вереницы разряженных прихожан по направлению церкви.... Сперва шли старики и вообще мужской пол, в синих праздничных

кафтанах; за ними, поодаль, следовали женщины, в малиновых шелковых сарафанах и телогреях» [8, 151].

Давая подробное красочное описание крестьянских костюмов, писатель стремился передать особенности русского национального характера и своеобразные черты народного праздника. Язык Салтыкова красочен и ярок.

П.А. Флоренский считал, что «метафизика одежды, в том числе в традиционной культуре, является глубоко семантической по своей сути. Она – часть физического тела и даже личности человека. В обычной жизни – это её внешнее продолжение наподобие волосяного покрова. Между одеждой и телом существует более тесная связь, чем только соприкосновение; как и тело, она отражает суть чело-веческой личности. В этом отношении семан-тичность одежды прежде всего соотносится с её цветовой маркировкой. Цвет в традиционной культуре является одним из маркеров определенного состояния» [9, 273].

М.Е. Салтыков-Щедрин, стремясь быть верным «натуре», правдиво изображал нравы и быт дворянского сословия, сатирически осмеивал чиновничество, сочувственно относился к маленькому человеку. Чуткое отношение писателя к окружающей действительности и внимательное описание одежды уточняют литературный портрет героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Благово Д.Д. Рассказы бабушки. СПб., 1885.
2. Бушмин А.С. Сказки Салтыкова-Щедрина. – Ленинград.: Гослитиздат, 1960. – 228с. – С. 80.
3. Кирсанова Р.М. Розовая ксандрейка и драдедамовый платок. Костюм – вещь и образ в русской литературе XIX века. – М.: Книга, 1989 – 285 с.
4. Русский костюм 1850-1870 : Вып. 3 / Под ред. В. Рындина. –М.: –ВТО, 1963. – 184 с.
5. Салтыков М.Е. Помпадур и помпадурши / Ред., вступ. ст. и комм. Б.И. Горева. – М.: Худож. лит., 1935. – 285с.
6. Салтыков-Щедрин М.Е. Дневник провинциала в Петербурге / Вступ. ст. А.М. Туркова; Коммент. Л.Р. Ланский. – М.: Сов. Россия, 1986. 480с., 1 л. портр.
7. Салтыков-Щедрин М.Е. Портной Гришка: очерк М. – Л.: Госиздат, 1926. – 38 с.
8. Салтыков-Щедрин М.Е. Пошехонская старина. Минск : Госиздат БССР, 1962. – 554 с.
9. Флоренский П.А. Иконостас // Собр. соч. – Париж, 1985. – Т. I: Статьи к искусству. – С.273.

COSTUME AS AN ASPECT OF CHARACTER SKETCHES IN FICTION OF M.E. SALTYKOV- SHCHEDRIN

T.E. Lonchinskaia

FGBOU VPO "High School of Folk Arts (Institute)"

The article provides the description of M.E. Saltykov-Shchedrin costume, which turns out to be an important means of expression, revealing the inner world of the characters of his works and their social origin. Characters, described with the special means of language of clothes, determines the position of the writer and gives a true picture of everyday usual life and events of social classes of Russia in the XIX century.

Key words: *costume, character, character sketch, the description of social classes (types), the disclosure of the image, a means of expression.*

ДЛЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ РАБОТЫ

ИЗУЧЕНИЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ И.С. ТУРГЕНЕВА “ВОРОБЕЙ” В АРМЯНСКОЙ ШКОЛЕ

И.Б. ГЕВОРКЯН
ОШ № 131 им. Пео Яворова

Русский язык, являясь языком межнационального общения, способствует приобщению к культуре других народов, дает возможность общения с людьми разных национальностей. И роль школы в процессе обучения русскому языку важна, и особое место отводится деятельности учителя. В педагогической деятельности определенное место занимает способность пробуждать у детей интерес к изучаемому предмету. Обучение не будет успешным, если оно оставляет ученика равнодушным, безразличным к предложенному для изучения произведению. Интерес активизирует и направляет внимание, способствует раскрытию творческих способностей учащихся. Развитию всех этих аспектов способствуют тексты из литературных произведений, представленные в учебниках по русскому языку. Они способствуют формированию речевого образца. Текст является и источником информации, и средством организации учебно-воспитательной работы, и моделью учебно-речевой деятельности.

Творчество И.С. Тургенева создает возможность у ученика понять духовный мир писателя. Знакомство с произведением “Воробей” воспитывает в детях сочувствие, добро к людям, а самое главное – помогает оценить такое великое чувство, как материнская любовь, и понять силу материнской любви, которая во имя любви к детям способна на самопожертвование. У учащихся в сопереживании развивается этика взаимоотношений и нравственная чуткость. Как добиться в работе с текстом успеха в активизации лексического словаря на протяжении всего урока, и каким образом добиться, чтобы учащиеся самостоятельно открыли для себя поэтическое своеобразие тургеневского “стихотворения в прозе”, прониклись писательской эмоциональностью и приподнятостью речи в жанре «лаконической» прозы? Имея некоторый опыт в достижении намеченных выше целей, обратимся к вопросам изучения стихотворения в прозе И.С. Тургенева “Воробей”, включенный в программу 7 класса.

План-конспект урока: И.С.Тургенев “Воробей”. Наречие образа действия.

Тип урока: сообщение нового материала.

Тема урока: “Воробей”. Наречие образа действия.

Цель урока:

➤ Учебные: ввести в словарный запас учащихся новые слова; научить учащихся читать текст; научить различать наречия образа действия, употреблять их в устной и письменной речи.

➤ Воспитательные: воспитать чувство уважения и любви к маме.

Ожидаемые результаты.

1) Учащиеся должны знать:

➤ слова и выражения из текста;

➤ наречие образа действия.

2) Учащиеся должны уметь:

➤ использовать в речи новые слова из текста;

➤ активно использовать конструкции с наречиями образа действия при описании действия.

Оборудование: учебники, разработка поурочного плана, доска, компьютер, словарики, тетради.

Ход урока**1. Организационный момент.**

На доске заранее записаны:

➤ дата и тема урока;

➤ слова, которые должны войти в активный запас учащихся: растопырить – широко раскрыть, красться – потихоньку подходить, чують – чувствовать запах, заслонить собою – закрыть собою, благоговеть – преклоняться;

➤ домашнее задание: выучить текст читать, рассказывать, Задание 7 выполнить письменно.

2. Проверка домашнего задания.

➤ Какие слова из стихотворения А.С.Пушкина “Узник” вы выучили?

➤ Учащиеся называют слова: *узник, пища, темница, взгляд, вольные*.

Затем составляются словосочетания и предложения с указанной лексикой.

➤ После прочтения (метод «цепочки») стихотворения по учебнику, учащиеся читают его наизусть.

3. Введение нового материала:

➤ Вступительное слово учителя: “ На прошлом уроке мы говорили о свободе, о вольности. Сегодня поговорим о высоком чувстве. О каком? Сейчас догадаетесь.”

➤ Составление призмы: Какие слова приходят к вам на ум, когда вы слышите слово *мама*? Назовите существительные. Назовите глаголы. Какое словосочетание можно составить?

Ученики составляют словосочетания. Выбирают словосочетание “материнская любовь” и составляют предложения.

- Исполняется песня “Мама” (Рано утром...)
- Слово учителя: “Мама... Как много в этом слове нежности, теплоты, ласки, доброты, доверия. Материнская любовь – это чувство, которое присуще и людям, и животным, и птицам. Многие писатели обращались к этой теме. Обратился к ней и великий русский писатель И.С. Тургенев, написав небольшое стихотворение в прозе “Воробей”. Здесь нет рифмы, нет мелодичности. Однако есть мысли, которые воспевают большие и маленькие радости, любовь, дружбу, добро и зло. Давайте познакомимся со словами, которые вы встретите в тексте: растопырить, красться, чують, заслонить, благоговеть”. Запись данных слов в словаре, составление словосочетаний и предложений.
- Чтение текста учителем.
- Контрольный вопрос: “Что же сильнее смерти и страха смерти?”
- Чтение текста учениками по методу «цепочки».
- Выполнение заданий №№ 2 и 3 из учебника.
- Подобрать антонимы к словам: удалился, маленькая, сильнее, медленно, высокая.
- Подобрать прилагательные к словам: воробей, воробышек, собака, охота, аллея.
- Описать собаку.
- Описать воробышка.
- Описать воробья.

4. Введение грамматического материала.

➤ Как приближалась собака? (медленно). Ветер как качал березы? (сильно). Как сидел воробей? (неподвижно). Слова медленно, сильно, неподвижно отвечают на вопрос **как, каким образом?** и характеризуют действие. Это и есть наречие образа действия.

➤ Письменное выполнение задания № 8 из учебника.

5. В целях осуществления межпредметных связей, а также задач, стоящих перед учителем при изучении вышеназванного произведения, учащиеся на предыдущем уроке получили задание прочитать произведения из армянской литературы на тему материнской любви. На уроке они называют автора, произведение, пересказывают содержание. За данную работу учащиеся получают оценки.

6. Случалось ли вам увидеть что-то подобное тому, что описано в произведении “Воробей”? Например, как кошка не подпускает чужих ей людей к своим котяткам. Расскажите.

7. Выставление и комментирование оценок.

8. **Домашнее задание:** выучить читать, рассказать стихотворение в прозе “Воробей”, задание 7 выполнить письменно.

9. **Исполняется песня “Мама”** (Я целую твои руки, моя родная...). Композитор и автор слов А.Чешегорова. Во время исполнения на экран проецируются семейные фотографии учеников.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О «КОНСТЕЛЛЯЦИИ» И ЕЕ «НЕЙТРАЛИЗАЦИИ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ФАКТЫ ИЗМЕНЧИВОСТИ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ СРЕЗЕ

А.М. АМИРХАНЯН,
И.Р. САРКИСЯН
АГПУ им. Х. Абовяна

Не всякая монография вызывает желание отозваться на неё. Часто за наукоёмкостью изложения растворяется сам автор, особенно по ряду тем, которые в традиционном понимании не являются проблемными, поскольку имеют вполне устоявшееся представление в их освещении. К числу таких тем относятся темы по истории языкознания и темы, связанные с грамматическим устройством русского языка. Несомненно, грамматика, в отличие от лексики и собственно коммуникации, является самым глубинным структурным ярусом языка и в меньшей степени подвержена изменению, однако именно она, и именно поэтому скрупулёзно фиксирует факты изменчивости русского языка в диахроническом срезе. Изданные две книги доктора филологических наук, профессора Астраханского государственного университета И.В. Приоровой, дополняющие друг друга, предлагают неожиданное преломление анализа абсолютно «рядового» грамматического явления – несклоняемости существительных. Как правило, эта тема ассоциируется с заимствованными словами, с их родовой классификацией и противоречиями в ней. Ещё приходят на память периодические дискуссии о нулевой флексии, её наличии или отсутствии у несклоняемых существительных (Панов, Немченко, Мучник, Молотков).

В монографии И.В. Приоровой «Конstellляция в русском языке» (Ереван: Изд.дом Лусабац, 2013. – 202 с.) рассматривается формально редуцированная парадигма неизменяемых существительных в единстве парадигматики и синтагматики через *конstellляцию*. Автор убедителен в своём выборе объекта исследования, потому что неизменяемые имена так и не получили должной оценки своего типологического статуса в силу устоявшегося представления о «формальной ущербности».

Несмотря на то, что проблема несклоняемости для лингвистики далеко не новая, никогда языковые и речевые функции этих «аграмматичных» единиц не описывались комплексно. Именно интегральный подход и определяет новизну взгляда, поскольку несклоняемые существительные, большую часть которых составляют заимствования, рассматриваются автором монографии не на уровне традиционного описания их лексического корпуса и особенностей реализации морфологической прадигмы, а с позиции их типологической сущности. Безусловно, можно согласиться с тем, что флективному строю русского языка в

условиях последовательной грамматической категоризации необходим богатый арсенал формальных средств, который совмещает разные грамматические тенденции: фузию и агглютинацию, синтетизм и аналитизм. Однако сначала некоторую настороженность вызывает принцип синтагматической экспликации, которую автор монографии ассоциирует со свободной зависимостью и называет *конstellацией*. В свете смены парадигм от системно-структурной к антропоцентрической, когда расширяются границы интерпретации грамматической информации «формы» слова, актуальность такого подхода очевидна. Поэтому интегральный анализ иллюстративного материала говорит в пользу того, что выявленный принцип категоризации неизменяемых имен не противоречит политипологичности русского языка, что и допускает наличие особой типологической зоны – зоны *конstellации*.

Вторая монография **И.Р. Приоровой «Нейтрализация конstellации в русском языке»** (Ереван: Изд-дом Лусабац, 2015. – 182 с.) является логическим продолжением первой. В ней усиливается акцент на неразрывности лексической и грамматической семантики и взаимодействии парадигматики и синтагматики. Автор показывает многочисленными примерами, как «свободная зависимость», которая рассматривалась в первой книге через функциональные свойства несклоняемых имён, утрачивается, когда несклоняемые слова переходят в склоняемые при наличии стилистического маркера.

В книге эти переходы связываются с «системными провокациями», которые восстанавливают редуцированную парадигму деклинационных слов (Приорова, 2010). Это объяснимо, поскольку «системная провокация» является проявлением вариативности системы, и строится эта вариативность на отношениях взаимопроникновения и замещения форм и моделей. Анализ разнообразных замещений выводит автора монографии на прагматический уровень грамматических форм.

Прагматика форм обнаруживается, если несклоняемые имена становятся склоняемыми. Таким образом фиксируется «переход деклинационных слов из статичной морфологии в динамичную, когда границы интерпретации грамматической информации «формы» слова расширяются, а конstellация нейтрализуется» (Приорова, 2015).

Очень интересно дешифруются случаи утраты формальной редукции, т.е. словоизменение, которое укрупняет диапазон функционирования несклоняемых имён как стилистических единиц. Оригинален взгляд на грамматическую окказиональность, когда грамматические формы, взаимодействуя с другими языковыми единицами, наделяются способностью *сигнала*, вступающего в последовательно коррелятивные и альтернативные отношения, и выражают основные и дополнительные смыслы. Однако возникает вопрос, закономерно ли то, что в периферийных зонах словоизменения обнаруживается высокая степень грамматичности русского языка, или все же системная вариативность проявляется только в прагматически значимых условиях разных типов коммуникации? Этот вопрос напрямую соотносится с *нейтрализацией*, которая в практике академических грамматик связывается с признанием явлений аналогичных и аномальных, системных и асистемных (Ю.Д. Апресян, Н.Д.

Арутюнова, О.С. Ахманова), закономерных и незакономерных, центральных и периферийных (В.А. Бондарко, В.В. Бабайцева).

Ответ понятен, если признать взаимозависимость многообразных форм категоризации в языке, которые И.В. Приорова описывает на частном примере несклоняемости, а также учитывать непрерывные изменения на всех этапах развития языка и сохранение целостности его системы.

Если любое «аномальное» явление в языке следует рассматривать как процесс исторической закономерности, а вариативность формы и нормы – как следствие языкового развития, то И.В. Приорова вполне оправданно предлагает рассмотреть функционирование неизменяемых имён в диаде *язык – норма* не только через анализ внутрисистемных свойств, но с обязательным привлечением внесистемного фактора *речь – узус*, с чем мы с ней абсолютно согласны. Именно в этом случае неожиданно расширяются границы изучения очевидных языковых фактов, в чём видятся новые перспективы исследования.

В связи с этим хочется подчеркнуть, что авторский взгляд на грамматическую асистемность языка, сама идея замещения словоизменения в его лакунарных зонах принципом свободной зависимости, т.е. констелляцией, перекочевала в другие области гуманитарных знаний.

Ряд учёных используют принцип констелляции как приемлемый для анализа литературных, социальных, и политических «аномалий» (Карабущенко П.Л., Лебедева И.В., Дудникова М.В., Бичарова М.М. и др.).

С учётом современной динамики во всех областях гуманитарных знаний, книги И.В. Приоровой будут полезны специалистам не только в области теории языка, функциональной грамматики, морфологии, стилистики: преподавателям, аспирантам и магистрантам, а также самому широкому кругу гуманитариев для осмысления вариативности в процессе исторической закономерности развития языка и социума.

Примечательно, что две монографии И.В. Приоровой вышли в свет в Ереване, и русисты Армении стали первыми, кто получил редкую возможность, «из первых рук», ознакомиться с актуальными исследованиями российского ученого о языковых наблюдениях, отраженных в речи начала XXI века.

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

В.В.МАДОЯНУ 60 лет

МАДОЯН ВАГАРШАК
ВАРУЖАНОВИЧ (Madoyan V.V.)
[1954, п. Богдановка ГрузССР] – ар-
мянский филолог, специалист по
проблемам истории русского языка
и теоретической лингвистики.
Доктор наук (1990), профессор.
Ректор Ереванского университета
международных отношений им.
Ан.Ширакаци (с 1990).

С отличием окончил среднюю школу (1971) и филологический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова (1976), где учился у Р.И.Аванесова и Г.А.Хабургаева. С 1980 г. – кандидат наук, с 1990 – доктор наук, профессор. Преполагает в вузах Армении (с 1976 г.). Заведует кафедрой (с 1985 г.). Автор гипотезы о разноуровневом взаимодействии языковых фактов в развитии категории одушевленности в русском языке, которые определяются им через изменение соотношения новых и старых форм и условий употребления инноваций, направленных на упорядочение языковой системы. Им выдвинута гипотеза о коммуникативной направленности языковых трансформаций, сформулированная на основе описания развития русского субстантивного словоизменения через преодоление падежной омонимии и синонимии флексий.

Автор приема многопланового анализа языковых явлений. В частности, значения падежа представлены им на двух языковых уровнях: коммуникации и грамматики (синтаксиса) - в их сопоставлении, причем для определения падежа ввел понятие адекватной (синтаксической) оппозиции, которую затем (на всех языковых уровнях) применил в описании словоизменения индоевропейских языков и толковании слова в толковом и двуязычном словарях.

Им сформулирован прием включения, сущность которого состоит в учете при классификации языковых явлений (в особенности при их

уточнении) признаков родственных субстанций, которые позволяют дать однозначное определение многим спорным вопросам описательной лингвистики.

Автор гипотезы о прагматическом анализе языковых явлений, учитывающем в объяснении существующего положения вещей лишь синхронную систематизацию. В этом аспекте им описаны фразеологические сочетания.

Ему принадлежит первая попытка лингво-литературоведческого анализа лексической семантики в художественной речи, сущность которого состоит в определении значения слова в языке автора (приемами замещения и включения) и его интерпретации в образной структуре текста.

Им составлен первый учебник иностранного (немецкого) языка, построенный в целом (и грамматика, и словарь) с использованием мнемотехнических приемов (формально-ассоциативных связей), который при применении в учебном процессе позволяет в несколько раз сократить время на изучение языка.

Его перу принадлежит значительное количество газетных и журнальных научно-популярных статей. Он занимается также вопросами истории, философии и литературоведения, в частности, ему принадлежит идея сугубо синхронного анализа литературного произведения, продемонстрированная им на примере исследования “Евгения Онегина” А.С.Пушкина.

В работах использует армянский, русский и немецкий языки. Переводит со славянских языков, английского, грузинского и латинского.

*А.Юдакин. Ведущие языковеды мира. Энциклопедия.
М: Советский писатель, 2000.*

***Редакция журнала “Русский язык в Армении” искренне поздравляет
известного ученого с юбилеем и желает крепкого здоровья и дальнейших
творческих успехов.***